

The background is a dark blue night sky filled with soft, out-of-focus white stars and a faint crescent moon in the upper left. Below the sky is a dense forest of dark, silhouetted evergreen trees. In the center foreground, a bright, glowing campfire with orange and yellow flames sits on a small pile of dark logs. A vertical stream of musical notes, including eighth and sixteenth notes, flows upwards from the fire, extending towards the top of the page. The main title is written in large, white, hand-drawn, blocky letters, with some orange musical notes and flourishes interspersed around the text.

ВИДЕТЬ ХОРОШЕЕ

СБОРНИК ЛЕГЕНД

Сборник легенд
детско-юношеской организации
«Остров Сокровищ»

**ВИДЕТЬ
ХОРОШЕЕ**

2025

Сборник легенд детско-юношеской организации
«Остров Сокровищ».

ВИДЕТЬ ХОРОШЕЕ

Москва, 2025 год.

Составитель: Софья Киселева.

Авторы: Максим Бичёв, Арина Логунова,
Полина Менделеева, Екатерина Неёлова,
Мария Лаврухина, Елизавета Фокина, Софья Рийсман,
Родион Боголюбов, Антон Николаев,
Екатерина Федянина, Вероника Петрич,
Татьяна Лобанова, Татьяна Андреева, Анна Юрлова,
Александра Беляцкая, Дарья Кириллюк,
Майя Кругликова.

Сборник рассчитан на учеников средней и старшей школы и содержит рассказы, написанные в разные годы участниками ДЮО «Остров Сокровищ». В своих историях юные авторы демонстрируют качества, воспитываемые в организации, и делятся со сверстниками важными мыслями и идеями.

© ДЮО «Остров Сокровищ», 2025

© ГБОУ Школа №45 им. Л.И. Милыграма, 2025

Содержание

Одно слово	4
<i>Максим Бичёв, Арина Логунова</i>	
Огонёк	7
<i>Полина Менделеева, Екатерина Неёлова</i>	
Голубиная почта	13
<i>Мария Лаврухина, Полина Менделеева</i>	
Почтальон	17
<i>Елизавета Фокина</i>	
Душа	22
<i>Софья Рийсман</i>	
Дело всей жизни	30
<i>Родион Бололюбов</i>	
В лесу	33
<i>Антон Николаев</i>	
Сон	36
<i>Екатерина Федянина, Вероника Петрич</i>	
Джордано Бруно	40
<i>Татьяна Лобанова, Татьяна Андреева, Анна Юрлова</i>	
Видеть хорошее	44
<i>Александра Беляцкая</i>	
Клаус	49
<i>Татьяна Андреева</i>	
Звёздочка	51
<i>Дарья Кириллюк</i>	
Новый мир	55
<i>Майя Круликова</i>	

Одно слово

Максим Бичёв, Арина Логунова

— Чините?

— Чиним.

Шёл снег. Пики высоких сосен устремлялись ввысь и кололи серое небо. Было холодно и безветренно. При выдохе образовывались густые облака пара и надолго зависали в сухом воздухе. Всё будто бы замерло в ожидании чего-то важного, удивительного, пугающего. Были слышны негромкие разговоры и монотонное позвякивание металла.

— Ладно, оставьте. Идём к костру, а то совсем околете.

Сумерки сгущались. Зимой всегда так: выйдешь вечером на улицу — светло, а погуляешь полчаса — и уже ночь. Извилистая тропинка петляла мимо деревьев в снежных шапках, огибая пни и большие сугробы. Люди прошли метров двести и увидели вдалеке яркую точку. Ещё минута — и они оказались у костра. Видимо, их товарищи жгли хвойные ветки: дыма было больше, чем огня.

... Ещё несколько часов назад грузовой самолёт был в небе. Теперь его экипаж из шести человек боролся за жизнь. Внезапная поломка вынудила их искать место для аварийной посадки. Удалось приземлиться на заброшенный аэродром, ведь каждый из них был профессионалом в своем деле. Сотни часов они налетали на этом самолёте, работая бок о бок, как единый механизм, и научились понимать друг друга без слов.

Теперь все сидели у костра и смотрели на огонь. Легкие снежинки кружились вокруг и тихо ложились на землю. Сэм вскрывал только что вынутую из рюкзака банку консервов перочинным ножом.

— А я вот что думаю, — проговорил он, — за нами приедут. В центре уже знают, что один самолёт до базы не долетел. Наверняка начали нас искать.

— Мы в лесу, костёр того и гляди погаснет. Ты представляешь, как сложно будет нас найти?

В воздухе повисла тишина. Костёр тихонько потрескивал, снежинки падали, медленно кружась, и таяли от тепла. Давно уже в совместной работе экипажа не было столь сложного испытания. Это был вызов не только для каждого из них, но и для коллектива в целом.

— Знаете, я с детства мечтал стать лётчиком. Думал, что буду весь такой взрослый, в красивой форме, облечу за штурвалом весь свет и побываю во всех странах. Лететь куда глаза глядят! Свобода — что может быть прекраснее?

— А разве сейчас не так?

— В детстве все мечты цветные и объёмные, а когда вырастешь, они начинают тускнеть. Мир даёт понять, что ты не один на свете, и есть что-то более важное, чем детские мечты.

— Ну не скажи! Я вот хотел быть рыбаком. Представляете, жить у моря, иметь лодку, каждый день ловить рыбу! И ничего не надо больше, ловишь — ешь, ловишь — продаёшь.

— А как же ты тогда в команду попал?

— Исполнил чужую мечту. Мой отец, капитан подводной лодки, всю жизнь мечтал летать. Он любил море, посвятил ему годы работы, но жалел, что не успел покорить небо. Небо он тоже любил и заразил меня этим чувством. И я выучился на лётчика, и покорил небо за нас обоих.

— Красивая история.

— Да, в ней красота и правда. Я не могу не летать. Полёт — это свобода.

— И как тебе сегодняшнее свободное падение? — Рик скривил лицо.

— Не особенно понравилось. Но не впервые же. Помните, что в прошлый раз было?

— О! Такое забудешь!

— И это у нас даже инструментов нормальных не было.

— И зима, слякотная такая, противная.

— Ага, а ещё стая волков. Помнишь их?

— Конечно, еле отбились.

— Да мы больше испугались...

— А сейчас страшно?

— Страшно.

— А чего боитесь? Смерти?

— Возможно. Неприятно думать о том, что всё для меня закончится.

— А мне страшно ощутить собственное бессилие. Смерть — это когда от тебя уже ничего не зависит. А я так не привык. Я всегда сам управлял своей жизнью.

— Мне страшно за родных. Они зависят от меня финансово и не смогут себя прокормить, если я не выберусь.

— А я не позволяю себе думать о смерти. Буду делать всё, чтобы мы выжили.

Вокруг было совсем темно, облака рассеялись, и на небе стали видны звёзды. Совсем маленькие, крошечные. Сэм запрыгнул

голову и внезапно подумал о том, что если бы жена и дети сейчас тоже смотрели в небо, он бы наверняка что-нибудь почувствовал. А чувствовал он только усталость и бессилие. Ему стало тоскливо, и он снова уставился на догорающий костёр.

— А я думаю, что починим. Пойдём, что-то засиделись мы тут, а нас дома ждут.

Сэм дежурно улыбнулся. Эти слова поддержки годились в тех случаях, когда он сдавал квалификационный экзамен или впервые садился в кожаное кресло первого пилота. Они напоминали о том, что он молод, силён и талантлив, и что остальные с этим согласны. Сейчас же слова, как и сам Сэм, были лишены энергии.

Сэм вспомнил, как однажды у него не заводился двигатель. Он нажимал на кнопку, но тот не издавал ни единого звука, как будто не чувствовал ничего. И тогда он начал с ним разговаривать — с двигателем. Уговаривал его, просил, обзывал и снова просил — и двигатель ответил. Не сразу, но у них получилось. Они были единым целым.

Сейчас я как тот двигатель, подумал он. И со мной разговаривает мой пилот, мой друг. Я пока его не слышу, но я не смогу не ответить. Мы с ним единое целое.

Сэм поднялся и молча пошел к самолёту, одновременно ища взглядом рабочие перчатки.

Мы можем проявлять слабость. Временами у нас опускаются руки и пропадает надежда. Но чувство принадлежности к общему делу, ответственность за него заставляют нас не бросать начатое, не подводить команду и делиться своей энергией с другими.

Огонёк

Полина Менделеева, Екатерина Неёлова

Мелкий надоедливый дождь моросил весь день и всю ночь. Дороги размыло, а туман был такой густой, что на метр вперёд нельзя было разглядеть абсолютно ничего.

Но, если честно, разглядывать и не хотелось. Деревушка, обычно унылая и серая, в такую погоду казалась ещё более мрачной. Тусклый свет в крошечных окошках, сулящий печаль и однообразные беседы о погоде за завтраком, обедом и ужином.

И все вокруг под стать этому месту: ни одной улыбки на улице, вечно серьёзный, будто поучающий, тон и «подобающий» внешний вид, который определялся строгими костюмами, серыми цветами и полным отсутствием самовыражения. «Ты — как все, все — как ты», — равнодушно напоминала фраза на воротах.

Изо дня в день тут не менялось ничего, как будто кто-то нажал кнопку повтора и забыл об этом. Но тогда почему все молчат, словно так и должно быть? Почему никто не скажет и слова?

— Кроме меня.

— Что? О чём ты?

— Я, только я знала, что может быть по-другому. Но что значит одно моё слово против всех?

И действительно, с самого начала она старалась всё поменять, перебрать заново этот мир по крупице, чтобы собрать что-то ценное, стоящее, важное.

«Такая маленькая, а такая невоспитанная», — говорили ей с самого детства, когда она смеялась или улыбалась. Но это было только начало. Она выросла и начинала понимать, что смех, улыбка, радость, любовь — не всё, что дано ей, в отличие от тех, кто жил тут долгие-долгие годы.

В духоте этого блёклого лета зарождалась гроза, а она сидела на широкой ветви раскидистого дуба. Пламя свечи, которую она держала на ладони, ровным и длинным язычком тянулось вверх, не трепеща и не колыхаясь.

Она немигающим взглядом смотрела в небо, и в её широко раскрытых глазах отражались вспышки далёких изломанных молний. Или, наоборот, молнии, сверкающие в её до странности неподвижном взгляде, отпечатывались в небе?

Она задумчиво посмотрела на пламя, подставила свой длинный, тонкий палец, и язычок пламени послушно переместился на него. И ещё один. И ещё. Она сдула яркие лепестки огня, и всё вокруг озарил приглушённый тёплый свет. Он был таким естественным, словно исходил от солнца или луны. Гроза утихла.

— Как ты сделала это? — раздался голос стоящего на земле.

Она дёрнулась, быстро собрала в руку раскиданные по воздуху огоньки и зажгла свечу.

— Кто здесь? — стараясь увидеть потревожившего её покой, она направила тусклый свет вниз.

— Не бойся, я из деревни.

— Это меня и пугает. Ты пришёл меня убить?

— Зачем же мне тебя убивать?

— Известно зачем.

Впервые ей пришлось бежать за ворота, в лес, лет десять назад, когда она позволила себе засмеяться на фабрике по производству электрических лампочек нового формата. Ну что поделывать, если «новый формат» светил так слабо, таким противным больничным светом, что лучше бы его не внедряли вовсе. Казалось, здесь пытаются сделать все, чтобы забрать свет не только снаружи, но и изнутри самого человека, но лишать света энергосберегающими тусклыми лампами казалось ей такой нелепостью! Она просто не смогла сдержать смех.

И тогда её выгнали за территорию, вписали в чёрный список. А она всё никак не могла успокоиться, заливаясь снова и снова. Сквозь хохот она еле-еле расслышала: «Берите ружья, бегите за ней, если у неё получится сбежать — пусть будет так, если нет, тем лучше». Она ринулась со всех ног. Её отец часто выходил в лес на охоту, поэтому представления о ружьях и выстрелах были очень яркими. Он завернула в чашу и услышала шаги совсем близко. Тук-тук-тук-тук — билось сердце. В таком же темпе к ней приближались. Вокруг сплошные деревья. Выбора не было, и она полезла на ветвь того самого дуба, сидя на котором спустя столько лет застала грозу.

После этого в деревушку она старалась возвращаться, только если что-то было очень нужно: ей всё время мерещились шаги, голоса, выстрелы, как будто её все еще ищут. Но её трепетное, открытое сердце не начало черстветь от того, как с ней поступили, она мечтала помогать людям, открыть им глаза на мир, подарить свет и радость. Иногда она тосковала по знакомым местам, тихонько приходила в кафе и наблюдала за тем, как живут люди. Это расстраивало: все ко всему привыкли, никто не собирался ничего менять. И она снова возвращалась в лес. За это время она научилась ладить с окружающим

миром, а природа в ответ начала слушать её: если ей было нечего пить, засохший ручей начинал снова наполняться водой, когда нужна была еда, ягоды росли как в самый урожайный год, шторма и ветра сносили дома, рушили города, но не трогали её.

Больше всего её увлекал огонь: нечто, способное уничтожить всё, что ей дорого, наоборот освещало ей путь, указывало на верную дорогу, грело, как объятия всех дорогих людей, которых она потеряла.

— Покажи мне.

— Что ты хочешь увидеть?

— Я видел, как ты осветила небо. Я хочу увидеть это ещё раз, я не видел ничего прекраснее раньше.

— И ты обещаешь, что не побежишь сразу за охотниками?

— Я тебе обещаю.

Она несмело раскрыла ладонь, и в руке заколыхался слабый огонёк. Поднося палец к занимавшемуся пламени, она снова переносила на небо крупницы света. Яркие точки разлетались повсюду. Казалось, что кто-то зажёт костры по всему миру. И не было ничего, что могло бы потушить этот огонь. — С ума сойти. И ты, способная каждому подарить счастье, радость и хоть немного тепла, скрываешься в чаще? Ты могла бы сделать столько всего для этого забытого места.

— Думаешь, я не старалась? Собственно, поэтому я снова сижу на дереве и жду, когда меня пристрелят.

Этим утром она вышла из дома впервые за долгое время, ей хотелось снова увидеть знакомые здания, побыть среди людей. Впервые за долгое время она не улыбалась: каменные лица прохожих, промозглое утро, треплющий волосы ветер — всё это только угнетало. На секунду показалось, что улыбка больше никогда не коснётся ее лица. Она зашла в первое попавшееся кафе. Глаза постепенно привыкали к свету, пока не позволявшему увидеть лицо сидящего за соседним столиком. Слух обострился до предела, она услышала, как в глубине зала кто-то сказал: «А можно сделать эти лампы поярче, я не могу разглядеть даже приборы за столом».

«Вот, вот он мой шанс помочь, найти человека, которому я нужна, пусть даже чуть-чуть», — промелькнуло в голове. Недолго думая, она раскрыла ладонь и выпустила огонь наружу тонкими змейками. Все внутри кафе затаили дыхание от восхищения новым, неизведанным. В новом свете всё больше не казалось таким омерзительным.

В кафе начались перешептывания, а змейки пламени всё росли и росли. И тут занялись занавески. Людей охватила паника, огонь перемещался со штор на подоконники, картины, пол. Всё мигом вспыхнуло. Крики, плач, забившиеся от страха в угол люди, толпа

у дверей. Кажется, жители этой деревни впервые испытывали столько эмоций разом. А она бежала. Она ринулась прочь, как только осознала, что произошло и что ей грозит. Добежав до своего дуба, она влезла наверх и, сотрясаясь от страха, озиралась. И тогда она и услышала его голос:

— Так ты не жертва, ты просто беглец.

— Ты ничего не понимаешь! Они придут за мной, убьют меня, и всем будет всё равно. Я хотела как лучше, на секунду я даже сделала их жизнь светлее. Не моя вина, что они боятся его. Поэтому он злится, поэтому был пожар. Я не виновата, ясно?!

— Ты злишься на тех, кто там был?

— Я? Нет, вовсе нет. Зачем злиться на тех, кто ничего человеческого не чувствует? Кто не поймет ни одного моего слова?

Он рассмеялся, глядя прямо ей в глаза.

— Ты... Ты что делаешь?! Ты... Смеёшься? Ты умеешь смеяться?

— Конечно. И вся моя семья, и друзья.

— Тогда ты соврал мне, ты не живёшь в нашей деревне.

— Живу.

— Как же тогда...

— Ты многого не знаешь, многое упускаешь, сидя на своей ветке. Ты хочешь изменить мир? Ну так дерзай! Сидя в лесу, многого не исправишь. Начинать надо с малого: помогать улыбнуться хотя бы немного тем, кто не умеет, подарить яркий шарф, сменить лампочки в доме, зажечь маленький огонёчек в сердце каждого, кого ты встречаешь. С пожара начинать бессмысленно.

— Одна я ничего не смогу. Я... Я не умею. Я ещё не до конца разобралась с тем, что могу сделать, я не справлюсь. Я виновата, и я не могу вернуться, мне страшно.

— Ты пойдёшь не одна. Я пойду с тобой.

Он смотрел ей прямо в глаза и протягивал руку, чтобы помочь спуститься. Раз, два, три. И вот они оба стоят на твердой земле. Её маленькая, похожая на спичку, рука крепко-крепко сжимает его ладонь.

— У тебя в глазах сверкают молнии, ты знал? Самые настоящие.

— Это твоё отражение.

— Да нет же. Это ты. Ты знал всё про меня с самого начала и всё равно слушал.

— Я пришёл сюда за тобой. Ты нужна мне, чтобы все изменить. Я тоже не справлюсь один. А вместе мы сможем, я знаю.

Так, крепко держась за руки, они вышли из леса. Когда они уходили, кроны деревьев, будто прощаясь, слегка наклонялись, вместо привычного сильного ветра только лёгкие дуновения

колыхали листву, вдалеке журчала вода. Казалось, сама природа успокоилась, глядя на них.

Шаг. Ещё шаг. Преодолевая все страхи, она идёт за ним. Верит ему, потому что знает, они стремятся к одному, потому что нашла того, кто поймёт и поможет.

Шаг. Ещё шаг. Он идёт впереди, пламя свечи указывает дорогу дальше. И он тоже боится того, что их ждёт. Но знает: оставить всё как есть нельзя, они оба могут всё изменить, пусть это случится не сразу, но через год или два, а может и через десять лет, всё здесь изменится, а значит, оно того стоит.

Какой бы страх ты не испытывал, нужно поддерживать огонь желания перемен в своём сердце и зажигать такие огоньки в других.

Голубиная почта

Мария Лаврухина, Полина Менделеева

Синее-синее небо и ни одного облака, даже самого маленького. Обычно смотришь вверх и не думаешь, сколько всего за день может произойти у этих самых небесных пёрышек, не думаешь, сколько пролетело над головой птиц, как далеко они держали свой путь, к кому и куда летели. А такой день — лучший день для полёта. Лучший день, чтобы принести кому-нибудь радостную весть.

— Сегодня пришло очень много писем. Так хочется успеть доставить их адресатам.

Маленькая птичка сидела прямо у окна, зацепившись лапками за карниз, и держала в одной из них письмо.

— Дурак, никому эти твои бумажки не нужны. Если хочешь знать, люди уже давно этим не пользуются. Брось эту затею и улетай с нами.

— Куда? И как же вы можете улететь?! Кто-то же отправляет эти письма, а значит, где-то их ждут.

— Ничего ты не понимаешь. Сегодня мы собираемся лететь в парк, там всегда много еды, может перепасть целый батон хлеба. Если ты не хочешь застрять в своей горе бесполезных бумажек, то лучше бы тебе поторопиться. У нас мало времени, всё может достаться другим. Решай уже!

Не дождавшись ответа, голуби вспорхнули и скрылись из вида.

— Вот я и остался с огромной горой писем. Как мне одному их все разнести? И ничего это не бесполезные бумажки! Это они ничего не понимают. Я покажу им, покажу им всем. Ведь за каждым этим письмом скрывается человек. Этот человек сидит и ждёт, когда же ему ответят. Ждёт, когда именно его конверт нетерпеливо и торопливо вскроют. А может, наоборот, будут долго держать в руках, не решаясь узнать, что именно выведено там чернилами, но любопытство возьмёт верх. Как же они всего этого не замечают? Я обязательно им покажу. Доставлю каждое письмо, и они увидят всё сами.

Голубь схватил конверт и выпорхнул из окна. Никогда он ещё не летал с такой скоростью. Встречный ветерок казался сильным ветром, каждый следующий взмах крыльев давался со всё большим трудом, но его это не останавливало.

И вот за углом показался заветный дом, к которому и лежал его путь. К окну подбежала весёлая молодая девушка, распахнула его, забрала письмо из клюва и тут же принялась читать. Но чем дольше она вглядывалась в текст, пробегая слова по несколько раз, тем грустнее становилась, а дойдя до конца, разорвала письмо, бросила на пол и убежала, заливаясь слезами. Голубь посмотрел на обрывок бумаги, лежавший на полу. На нём аккуратным почерком было написано: «Вряд ли мы ещё встретимся, но это только к лучшему».

— Почему она так расстроилась? Разве кто-то грустит из-за писем? А если грустит?... Если письма так ранят людей, то зачем их отправлять? И зачем доставлять?

Он вспорхнул ввысь с новым письмом в клюве. Следующий адресат находился близко. Как только птичка уселась на карниз, к окну поспешил какой-то человек. Оно открылось, и грубая мужская рука потянулась за письмом. Человек развернул бумажку, быстро пробежался по ней глазами, пробурчал что-то себе под нос, кинул на стол и ушёл. На бумаге красовался заголовок: «Счёт за электроэнергию», а дальше много цифр.

— Странно, разве там нет ничего важного? Почему этому человеку всё равно? Может, моё дело действительно того не стоит?... Но пока письма ещё есть, нужно до конца разнести их. Вдруг именно одно из них человек ждёт больше всего на свете! А если даже и не ждёт, я всё равно не могу бросить всё на полпути.

Так голубь пролетал весь день. К нему в лапки попадали то счета и квитанции, то гневные письма от арендодателей, то повестки в суд.

Наконец маленькая птичка взяла последнее письмо и, собрав остатки сил, помчалась по следующему адресу — лететь туда было очень долго. По пути ветер усилился, начался дождь. Мелкие капли рябили перед глазами, сложно было разглядеть даже следующий поворот, не то что увидеть то самое окно, и голубю пришлось замедлиться. Он был очень расстроен, что не взял это письмо раньше, что не поручил кому-нибудь ещё, потому что теперь ему приходилось так тяжело: в дороге он вымотался, из-за дождя слезились глаза, он задыхался от усталости, крылья ломило, но как назло именно в этот раз он улетел так далеко, что рядом не было даже проводов, на которые можно было бы присесть и перевести дух. Казалось, полёт его длился уже целую вечность. И вот, совсем близко вырисовывались очертания нужного здания.

У самого дома дождь начал усиливаться, быстро превратившись в ливень, и, боясь, что бумага намокнет, а буквы расплывутся, что сделает весь его путь был бессмысленным, голубь приземлился на обочину. После дороги он был так измотан, что усталость вдруг огромной волной накатила на него и окутала сном. Сквозь

сновидения, спустя час, стал слышен чей-то голос. Голубь насторожился и с трудом разлепил глаза: на него пристально смотрела маленькая девочка. Его сковал ужас: многие знают, что дети не умеют рассчитывать силу и могут случайно повредить птице крыло, если попробуют взять в руки... Однако девочка лишь улыбнулась ему и, обернувшись, прокричала:

— Мама, мама, смотри! Тут письмо! Оно так красиво упаковано, ты сможешь открыть его аккуратно, чтобы не испортить?

Птица непонимающе захлопала глазами. К столу, на который его посадили, подошла довольно молодая женщина, у которой, однако, виднелась пара седых прядей у виска. Голубь внимательно наблюдал, всё его внимание было приковано к её движениям, поэтому он не сопротивлялся, когда у него забрали письмо, хоть и не знал, какой именно это дом и тот ли это человек. Женщина медленно и вдумчиво читала письмо, на её глазах выступали слёзы.

«Неужели я опять принёс разочарование? Почему же и она тоже не рада? Может, и вправду лучше было послушаться и просто лететь с остальными в парк?» — всё больше тягостных мыслей завертелось его голове, пока их в одно мгновение не прервал голос женщины.

— Алиса! Алиса, папа скоро вернётся... Представляешь, мы скоро его увидим! — её лицо озарила широкая улыбка, она повернулась к маленькому почтальону. — Спасибо тебе огромное, птичка! Ты не представляешь, какие радостные вести ты нам доставила!

Голубь вдруг пожалел, что у него нет рук, которыми он мог бы обнять эту женщину. Наконец-то он почувствовал себя вправду нужным кому-то, наконец убедился, что его дело не бесцельно.

Ему захотелось скорее полететь к остальным и рассказать им о том, как они ошибаются. Это последнее письмо дало ему понять, что он действительно нужен, что неважно, сколько будет неудач: он и его работа помогают людям не терять связь. С этого дня голубь не пропустил ни одного рабочего дня, он разносил письма днём и ночью. Со временем и остальные птицы начали смотреть на своё дело иначе, перестали отлынивать от доставки конвертов и посылок. Он смог показать на своём примере, насколько важно то, что он делает. И больше голубь, эта маленькая птичка, никогда не думал сдаваться, даже если был один.

Что бы ни происходило вокруг, как бы ни отговаривали тебя другие сойти с дороги, какие бы сомнения ни закрадывались в голову, важно оставаться верным себе и своему делу и нести за него ответственность.

Почтальон

Елизавета Фокина

Дверь в почтовое отделение со скрипом открылась, и в проёме показался молодой человек небольшого роста.

— Извините, — произнёс парень, немного смущаясь.

— Вам отправить или получить? — слышалось из-за стойки администрации.

— Я на работу пришёл, ну, почтальоном, — вежливо сказал парень.

— Тогда пройдёмте.

Из главной приёмной они пошли по небольшому коридору до самого конца, потом зашли в маленькую комнатку. В помещении было два стеллажа, поставленных вдоль стены, справа от двери маленький столик с грудой бумаг. На стеллажах лежали письма вперемешку с посылками, а на нижних полках стояли пустые пыльные контейнеры.

— Работать будете тут. Можете приступать. — сказала женщина и протянула парню большую кожаную сумку. — Вам пригодится.

Работа заключалась в сортировке. Старые письма и посылки нужно было утилизировать, а свежие доставить по адресу. Первым делом парень направился к стеллажам. С нежностью и осторожностью он брал каждое письмо в руки, смотрел дату и убирал в сумку. Вдруг ему попалось вскрытое письмо. Он не имел права вскрывать конверты и читать содержимое, но этот-то уже был открыт. Очень медленно он достал письмо. Оно было написано на хорошей плотной бумаге, все буквы были аккуратно выведены, словно в прописях. Он стал читать.

«Дорогие мои, я так скучаю. Этой зимой я отправил вам подарок на Новый год — свитеры, которые связал для вас сам со всей любовью. Я знаю, что Пит не любит колючие кофты, поэтому специально для него я выбрал мягкую шерсть.

Я ждал вас в юсти, но вы почему-то не приехали. Может, были заняты или уезжали куда-то? В любом случае, если у вас появится время, обязательно загляните — я буду так рад. Скоро уже год, как мы с вами не виделись. Я понимаю, что у Пита школа, а у вас с Джоном работа, но каждый день жду вашего письма.

С любовью, ваш дедуля».

Почтальон не мог оставить это письмо здесь пылиться.

Юноша подошёл к столу и осторожно убрал письмо в новый конверт, затем аккуратно переписал адрес, наклеил самую красивую марку и убрал в сумку.

Пару дней спустя маленький почтальон шёл в свою комнатку через администрацию, как вдруг дверь в почтовое отделение со скрипом открылась, и в проёме показался пожилой мужчина. Протянув администратору извещение, он встал и принял печальный вид, задумавшись о чём-то своём.

— Вам письмо, — через окошко приёма просунулась рука, держащая плотный конверт.

Взяв его, мужчина жадно прочёл адрес отправителя. Грусть и отчаяние на его лице сменились улыбкой.

— Вы не поверите, это то самое письмо... Я ждал его год! — произнёс старик.

Почтальон молча улыбнулся.

— Я его дождался! Спасибо вам! — улыбнувшись юноше в ответ, сказал мужчина, а затем направился к выходу.

Маленький почтальон всё так же стоял и молча улыбался, глядя вслед уходящему мужчине.

Мы должны быть готовы приходить на помощь другим и делать добро без выгоды для себя.

Спустя неделю усердной работы почтальона стеллажи были аккуратно разобраны. Теперь оставалось лишь переложить письма в контейнеры, отсортировав их по датам. Раскладывая письма, юноша обнаружил просроченный конверт. По правилам, он должен был выкинуть это письмо и не тратить на него своё время...

— А вдруг кто-то ждёт это письмо? — подумал он.

Почтальон уже готов был вскрыть конверт, но задумался: «Закрывается же, а я чужие письма открывать не могу. Но если я не прочту, все равно ему дорога на помойку».

Молодой человек вздохнул и открыл конверт. По почерку было видно, что письмо писалось впопыхах.

«Как ты мог забыть про её день рождения? Я просто не понимаю. Она так тебя ждала весь день — ты же её папа, мой хотя бы предупредить, что не придешь. А все её поделки и рисунки, которые она тебе делала? Ты даже не написал, что она молодец. Я не понимаю, что произошло с тобой в этом месяце — ты просто исчез! А я думала, ты её любишь...»

Где-то там маленькая девочка ждёт, когда её папа вернётся. И этого не произойдёт, потому что письмо лежит здесь. Взгляд маленького почтальона упал на стеллаж с посылками.

— Может, посылка тоже тут?

Он стал перебирать коробки и пакеты, сравнивая адреса. И вот она — нужная коробка. С адресом строгим женским почерком, а рядом красным карандашом приписано: «для папы». Почтальон, не тратя времени, отправился по адресу.

— Кто там? — послышалось в ответ на стук в дверь.

— Я посылку принес.

— Входите.

Дверь открылась. На пороге стоял высокий мужчина со спутанной бородой и отросшими волосами.

— Проходите, я чаю налью.

Когда почтальон зашёл в квартиру, взгляд его сразу же привлекли детские рисунки, висящие в рамках, и фотографии маленькой девочки с двумя косичками.

— Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Почтальон сел и поднял на стол посылку.

— От кого? — спросил мужчина.

— От вашей дочери.

Мужчина замер.

— А это письмо от вашей жены.

— Бывшей жены.

Он взял письмо и стал бегло читать. Затем печально вздохнул и пододвинул к себе посылку.

— Знаете, я её так люблю. Я старался проводить с ней как можно больше времени. Приезжал на все праздники, дни рождения, — он достал из коробки листок, — каждый её рисунок и подарок бережно ставил на полку. Вы посмотрите, какая она у меня талантливая, а ей всего лишь пять лет.

Мужчина протянул листок почтальону. Это был рисунок с подписью: «Мама, папа и я». Маленький почтальон улыбнулся, но тут же поник.

— Почему же вы тогда не забрали эти посылки?

— Мне не пришло ни одного извещения ни о письме, ни о посылке. Я думал, она забыла обо мне, и я ей больше не нужен, думал, она не хочет меня видеть. Но вы... благодаря вам я знаю, что это не так.

— Извините, мне уже пора.

— Вы не могли бы подождать пару минут, я напишу ей письмо.

— Конечно.

Он достал листок бумаги и стал активно писать что-то, улыбаясь, после чего запаковал письмо в конверт и ярким карандашом добавил: «*Любимой дочке*».

— Спасибо вам огромное, — сказал он и крепко обнял почтальона.

Мы должны хранить в памяти добрые воспоминания о прошлом и ценить каждую секунду настоящего, чтобы быть по-настоящему счастливыми.

Подметая в своей маленькой комнатке, почтальон отодвинул стол и обнаружил завалившийся за стенку старый желтый конверт. Он не обнаружил на нём ни адреса, ни имени, ни даты.

«Видимо, упало за стол много лет назад, — подумал он. — Узнаем, что в нём было».

В конверте лежало письмо:

«Любимый! Сейчас передо мною этот конверт. Хочется вложить в него хотя бы часть той любви, которую я к тебе испытываю. Я пишу это письмо, надеясь, что оно облегчит твои переживания хотя бы на те минуты, пока ты будешь его читать. Как там у вас погода? Должно быть, совсем жарко по сравнению с нашим юродком.

У нас всё как обычно. На улицах дождь и прохладный ветер. Совсем скоро выпадет первый снег. Я верю, что ты вот-вот вернёшься домой, и мы сможем, как раньше, сидеть в обнимку рядом с новогодней елкой у камина и слушать жужжание радио.

Каждое утро я просыпаюсь и надеюсь увидеть тебя в дверном проеме с чашкой кофе, но понимаю, что всё как и прежде — ты там, а я здесь. Несмотря на тысячи километров между нами, я могу быть уверена, что, когда мне будет необходимо, ты будешь рядом. Да, не физически, но морально, сердцем и душой.

Я хочу, чтобы ты знал, что я бы, несмотря ни на что, не изменила тебе. Я бы предпочла любой непосредственной близости с кем-то другим, с тобой несравнимым, просто видеть тебя во сне.

Ничто не делает меня счастливее, чем наши отношения.

Жизнь может сойти с ума, перевернуться вверх дном и даже заставить нас почувствовать, что мы теряем рассудок, но у меня есть ты.

Я жду тебя. И буду ждать столько, сколько потребуется, несмотря ни на что.

С любовью, Агата».

Почтальон удивился. Она ждала его столько лет и даже не знала, вернется ли он. И почтальон был уверен, что несмотря на то, что письмо лежит здесь, она ждёт его. Потому что это настоящая любовь.

Такая преданность и верность собственной идее делает человека надёжным, позволяет положиться на него в трудные времена и, безусловно, восхищает.

Маленький почтальон собрал письма в сумку и прошёл к выходу из почтового отделения. В дверях он столкнулся с девочкой лет

девяти, которая несла в своих ручках коробку, запакованную в красную оберточную бумагу и украшенную большим золотым бантом.

— Ты это отправить хочешь? — спросил почтальон.

— Ага, — ответила девочка.

Почтальон забрал у неё посылку, хотел уже положить в сумку, но остановился.

— А куда отправлять-то? Тут ни адреса, ни даты, ни марки.

— Я другу игрушку хочу отправить, — печально вздохнула девочка.

— А что грустного? — удивился почтальон.

— Это моя любимая игрушка.

— Тогда зачем её кому-то отправлять?

— Ничего ты не понимаешь, — сказала девочка и села на ступеньки.

— Ну так ты расскажи.

Маленький почтальон подсел к ней на ступеньки и стал внимательно слушать.

— У меня был друг, с которым мы постоянно играли на детской площадке. Встречались мы всегда ровно в полдень у старого дуба. Потом залезали на самую высокую ветку — её с земли не увидишь, потому что она закрыта листвой. Мы устраивались поудобнее и обсуждали происходящее на площадке. Это могла быть не только обычная площадка, но и поле сражения двух армий или дикое сафари с экзотическими животными. Каждый день мы болтали до самого вечера.

— Очень милая история. Почему же ты не можешь передать ему игрушку лично, раз вы видите каждый день?

— Ты же не дослушал. Однажды он не пришёл. Я подумала, он занят. Но и на следующий день он не появился. И всю следующую неделю не приходил. Вчера я увидела его маму в магазине и спросила, почему он не выходит играть. Она сказала, что он сильно заболел, и его положили в больницу. Я хотела его навестить, но я ещё слишком маленькая для этого. Поэтому я решила отправить ему посылку. Эта игрушка всегда была рядом со мной, когда мне было грустно, плохо или страшно в темноте. Она поддерживала меня. Я люблю эту игрушку и не хочу отдавать её, но сейчас она ему нужнее, и я это знаю. Так что, пожалуйста, отправьте ему эту посылку.

Надо делиться своей добротой с другими и быть готовым пожертвовать чем-то во благо другим.

Душа

Софья Рийсман

Смерть. Знаете, мало задумываешься о ней, пока она не приходит прямо к тебе на порог. И тебе уже не повернуться и не убежать. Ты стоишь, открыв рот, и понимаешь — назад дороги нет. Сразу отвечу на ваш вопрос: умирать не больно и вовсе не страшно. Ты даже не замечаешь этого. Вот ты жив, а вот уже нет.

Но сегодня я хотел рассказать не об этом. Знаете, я никогда не думал, что в какой-то момент окажусь призраком. Хотя что это я... Начнём ещё раньше.

Давайте познакомимся. Я — Грегори, мне было... или есть... не знаю, ещё не разобрался. Короче, мне пятнадцать лет. Умер я самым скучным образом — рак. А в детстве я представлял, как умру от лап дракона, когда буду спасать принцессу, и моим последним воспоминанием будет нежный поцелуй её губ вкуса малины... ну или клубники... не суть. А в итоге моим последним воспоминанием были лишь слёзы моих родных... Знаете, мне так сильно хотелось встать и сказать им: «Если вы будете продолжать так плакать — я ударю вас!». Не выношу, когда люди плачут, особенно из-за меня. Я всегда ко всему отношусь с удивительным оптимизмом. Особенно для мертвого.

Если вдруг слушая мои слова, вам захотелось плакать и причитать, мол, «как же небеса забрали такого хорошего и оптимистичного мальчика?», то знайте — небеса забирают лучших.

Так к чему я всё это рассказываю? Я долго размышлял, где же рай, потому что очнулся и сначала даже не понял, что произошло. Почему все сидят вокруг меня и плачут? Только потом дошло, что я умер... И сразу другой резонный вопрос пришёл на ум: «Почему я до сих пор тут?». Вспомнив все прочитанные книги, я понял, что у меня есть какие-то незаконченные дела.

Но какие? С собакой я погулял, цветы полил, а вроде никакие другие обязанности мне мама не давала. Может быть, что-то по школе, можете подумать вы. Но какая школа у ребёнка, который умирал от рака?

Знаете, заболел я, когда мне было всего лишь двенадцать лет. На тот день рождения мне подарили очень классный велосипед, я на нём вместе с папой разъезжал по городу так, что соседские кошки

постоянно шугались. Соседи потом приходили и жаловались, мол опять этот ваш Грегори всех кошек распугал, а папа отвечал им с серьёзным лицом и говорил, что обязательно накажет меня. Потом он заходил домой, и мы оба смеялись с нелепых лиц наших соседей.

И вот в один день я как-то неудачно упал. Думал сначала ничего не говорить родителям. Подумаешь тоже, синяк. Но потом всё больше синяков появлялось, и ни один не проходил... И мама, заметив это, настояла на посещении врача.

Ну а потом походы к доктору затянулись, лица моих родителей с каждым днем становились всё угрюмее, мама часто плакала, папа ходил с таким видом, будто его с работы уволили или чего похуже, а у меня появлялось всё больше вопросов. В один день, когда мы опять пошли к врачу, я больше не мог сдерживать своего любопытства и спросил так настойчиво, что родители поняли, что увернуться от ответа у них не получится. Отец тогда сел на корточки и сказал мне: «Сынок, ты только не переживай». Я разозлился на отца и сказал ему с надрывом: «Говори, не надо никаких предисловий!». «Сын, у тебя рак», — то ли со злобой, то ли с полным отчаянием произнес отец. Моя реакция была... наверное, странной. Я застыл, потом рассмеялся, взял родителей за руки и сказал: «Ну ничего, бывает». И пошёл дальше. Я, кажется, не понимал всю серьёзность ситуации, как вообще-то не понимаю и сейчас.

Ну ладно, зачем опять говорить о прошлом, когда я нахожусь здесь, в настоящем.

Я понял, что я призрак. Но почему люди до сих пор не создали инструкцию «Как быть призраком?». Что я должен делать? Пугать? Я вроде не умею... Я всегда был весельчаком. Ну, может не всегда, ладно, но страшным я точно не был никогда. Тогда может моя задача в другом?

И тут я услышал какой-то всхлип из соседней палаты. Чуть-чуть приоткрыв дверь в коридор, я прошёлся дальше и увидел маленькую девочку, держащую в своих руках плюшевого кролика. Я подошел к ней поближе, сел рядом. Она подняла голову и посмотрела мне в глаза, точно пыталась разглядеть мою душу. Но призраки же невидимы, да?

— Ты кто? — вдруг прозвучал маленький тоненький голосок девочки.

— А ты меня видишь?

— Почему я не должна тебя видеть? — поинтересовалась девочка.

— Я думал, я...

— Кто ты? Ты человек, как и я.

Тут я понял, что девочка сама не знает, где она. Что ж, это точно не рай, вряд ли это ад, и на землю тоже не похоже.

— А почему ты сидишь здесь одна и плачешь?

— Моя мама меня бросила. Мы вместе ехали покупать для папы подарок. Она сказала, что я смогу сама выбрать то, что понравится папе. А потом мама вдруг резко затормозила, а дальше... Я помню только яркий свет и оглушающие сирены. Я звала маму, но она не откликалась.

В этот момент я всё понял. Поднявшись и заглянув в ближайшую палату, я увидел эту девочку лежащей на больничной койке. Рядом, держа её за руку, сидел какой-то мужчина лет тридцати. Видимо, её отец. Он плакал и смотрел на лицо девочки с надеждой, что сейчас её глаза откроются, а улыбка расцветёт на милом личике. Я вернулся к девочке. Она даже не смотрела на меня.

— Принцесса, — я решил называть её так, потому что одета она была в красивое розовое платье, — хочешь пройтись со мной?

— Куда? К маме?

— Боюсь, не в моих силах отвести тебя к маме.

Услышав эти слова, девочка начала ещё больше плакать. Я сел ещё ближе к ней.

— Прости, меня. Я не хотел тебя обидеть. Знаешь, там тебя ждёт твой папа. Вспомни про своих бабушек и дедушек, друзей — все они так сильно тебя любят и ждут.

— Но я хочу к маме.

— А ты хочешь сделать маму счастливой?

— Хочу.

— Тогда пойдём со мной. Если ты будешь жить, ты сделаешь её самой счастливой на свете. Да и не только её.

— Тогда пошли, — вытирая слезы сказала девочка.

Я взял её за руку. Она была удивительно тёплой, особенно по сравнению с моей. Открывая дверь палаты, я услышал слова её отца: «Малышка, вернись, я так тебя люблю». Я завёл принцессу в палату, поднял на руки и сказал:

— Обещай мне, что больше не будешь так убегать из палаты. А лучше, пообещай, что больше никогда сюда не попадешь.

— Я обещаю, — сказала малышка.

С этими словами она словно растворилась у меня в руках. И тут я услышал, как аппараты начали издавать более громкие звуки, а глаза её отца налились слезами абсолютного счастья.

— Ты со мной! Господи, это самый лучший подарок на день рождения. Ты здесь, ты рядом, ничего лучше быть не может.

— Папочка, я тебя люблю, — еле слышно прошептала малышка, но отец всё равно её услышал.

— И я тебя люблю, — ответил он.

— Пап, а мама теперь счастлива?

— Малышка, мама счастлива тогда, когда счастливы мы с тобой. На этих словах он крепко-крепко обнял её, а я вышел из палаты. Может, моя задача — это помогать людям, которые застряли здесь? Но кто тогда поможет мне?...

В этот момент я услышал громкий крик. Добежав до места, откуда они раздавались, я увидел девочку лет пятнадцати, мою ровесницу. Она неистово колотила стену. Так сильно, что по запястью её стекали капли крови. Она кричала, злилась, плакала. Я подбежал, схватил её за руки, но она начала вырываться.

— Ты кто? — со злобой крикнула она. — Убирайся, ты же тоже пришел сказать мне, какое я ничтожество.

— Что!? Я и не собирался ничего подобного делать.

— А для чего ещё тогда я нужна? Люди приходят ко мне только чтобы сказать, что я дура, и рассказать, как они меня ненавидят.

Тут её злорадность сменилась отчаянием, и она упала, облокотившись на стену.

— Я никому не нужна. Я. Никому. Не. Нужна.

— Да что ты такое несёшь? Совсем сдурела? Почему ты так говоришь?

— Да потому что так и есть! Вот была у меня подруга, например. Мы с ней часто тусовались, я рассказывала ей все секреты и тратила на неё всё своё свободное время. А потом, представь себе, у неё появился парень. Да, именно парень! И она сразу же забыла обо мне. Я звонила ей, пыталась понять, что случилось. На что она однажды ответил мне: «Да ты дура, вот и всё. Не звони мне больше!». Вот так я потеряла единственную подругу. А знаешь что было потом? Она начала говорить всем, что я дура. Настраивала всех против меня, советовала никому со мной не общаться. И на меня стали показывать пальцем, называть уродкой, желать смерти.

— Стоп. Давай разберёмся с самого начала. Как тебя зовут?

— Оливия.

— Значит слушай меня, Оливия. Никакая девочка не стоит твоих слёз. Да вообще ни один человек на свете не стоит того, чтобы ты такое с собой делала. Ты представляешь, что будут чувствовать твои близкие?

— Да им тоже всё равно! Моей матери тут даже нет.

— Но ты же не знаешь, почему её тут нет.

— Да понятно почему, я ей не нужна и всё.

— Оливия, прекрати наговаривать на себя. Ты красивая, умная и интересная, и я это понял всего лишь спустя пару минут, проведённых с тобой. Я ни за что поверю, что ты можешь кому-то не нравиться. Они все просто тебе завидуют. Хочешь, я тебе докажу?

— Как же?

— Пойдём со мной!

И я взял её за руку. Мы пошли вдоль стен по бесконечному больничному коридору. В какой-то момент я свернул, и Оливия поняла, куда мы шли. Мы пришли в её палату. Комнатка вся была украшена цветами, а около койки сидела заплаканная девочка.

— Оли, дорогая, прости, прошу. Если ты слышишь меня, прости. Я... я всегда завидовала тебе. Все мальчики обращали внимание только на тебя и никогда не смотрели на меня. Ты всегда была самой умной, самой красивой и самой интересной, а я... чувствовала себя на втором месте рядом с тобой. Я тебя так люблю, прости меня.

— Кажется, ты знаешь, куда тебе идти, — прошептал я.

— А ты?

— Что я?

— Ты не пойдёшь со мной? Думаешь, тебя никто не ждёт?

— Думаю, моё время истекло.

— Но ведь если ты тут, значит не всё потеряно.

В этот самый момент Оливия, лежащая на больничной койке, открыла глаза. Девочка, сидящая рядом, начала плакать и обняла Оливию, а потом побежала к дверям палаты и начала кричать: «Она очнулась! Вы слышите! Она очнулась!». Толпа из пятнадцати человек попыталась втиснуться в палату. С криком «доченька» первыми вбежали женщина и мужчина лет сорока. Они обняли Оливию, а затем, смотря куда-то в пустоту, прошептали «спасибо». Я понял, что это «спасибо» предназначалось мне.

Во мне заиграли все возможные эмоции. Резко я захотел кричать от боли, словно сотня игл пронзила мою спину. Кажется, только в этот момент я наконец понял всю серьёзность происходящего, а потому впервые заплакал. Слезы катились по моим щекам, их было невозможно остановить. Вся боль и грусть превратились в злобу, невероятную злобу. Я злился на всё, на себя, на свой организм, но больше всего я злился, потому что не мог принять эту несправедливость. Почему Оливии и принцессе дали шанс, а мне нет? Почему они смогли открыть глаза и увидеть своих родных вновь, а я нет? Что я сделал не так?

— Где мой второй шанс!? — скорее не злобно, а отчаянно закричал я.

Моё состояние было даже не смертью. Это было хуже. Именно в этот момент я осознал всё, что 3 года не могло уложиться в моей голове. Я больше никогда не услышу истории мамы, когда мы всей семьёй сядем в пятницу за стол обсуждать нашу неделю. Я больше никогда не услышу смех отца, когда мы отправимся с ним кататься на велосипеде и шутить соседских кошек. Я никогда больше

не погуляю с нашей собакой и не увижу, как она радуется, когда я прихожу домой со школы. Я больше никогда... Дальше думать я уже не смог. Мои глаза вновь налились слезами, я сел на корточки и не хотел, чтобы меня кто-то видел. Хотя кто вообще мог меня увидеть? Меня же больше нет.

Внезапно я увидел яркий свет, в моих ушах зазвенело, и возникло какое-то странное желание пойти туда, в этот свет. Внезапно кто-то положил руку мне на плечо, и свет исчез так же резко, как и появился.

— Куда это ты собрался, молодой человек? — старик еле слышно шептал мне своим хриплым голосом, но его слова были всё равно отчётливо слышны. — Не рановато ли?

— Думаю, уже поздно, а не рано.

— С чего ты так решил?

— Я уже давно понял всё.

— И что же ты понял в свои-то годы? — сказал он, дразня меня.

— Я понял, что произошло.

— И что же?

— Я умер. Рак.

Тут добрые глаза дедушки резко стали серьёзными.

— И что же ты тут забыл?

— Я что-то не успел сделать. Только я не знаю что. Я помог Оливии и Принцессе, они вернулись назад, к родным. Я не знаю, что ещё я не успел сделать.

Дедушка медленно встал, поправил свои очки толстыми стёклами, посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Ты не успел пожить». Вдруг я услышал до боли знакомые голоса, а в лицо мне ударил яркий свет. Я услышал крик.

— Грегори! Греки! — так меня называла только мама, я сразу понял, что это она.

— Мама... — прошептал я, но голос едва поддавался.

— Джереми, — так звали моего отца, — срочно беги сюда! Он жив, милый, он очнулся. — Папа... — прошептал я. Получалось уже лучше.

— Тихо, лежи, дорогой, тебе нельзя нервничать. Мы думали, что потеряли тебя навсегда. Спасибо, что вернулся к нам.

«Я жив?», — промелькнул в моей голове вопрос. «Я жив!» последовал ответ. Видимо, то место, где я был — это место, где душа должна сама выбрать, жить ей или нет. Я помог с этим выбором Оливии и Принцессе.

Вдруг я заметил через прозрачные двери девочку лет пятнадцати, шедшую за ручку со своей подружкой.

— Оливия! — резко вскрикнул я. Девочка обернулась.

— Здорова, — со спокойствием подумал я, — А принцесса где?

Я начал пристально разглядывать коридор через открытую дверь. И вот оно! Я увидел, как маленькая девочка на руках у своего отца засмеялась. Мужчина улыбнулся с невероятной теплотой и произнес: «Я тебя люблю, доченька».

В этот момент я почувствовал абсолютное спокойствие и счастье. Я спас их. Но кто же помог мне? Я ведь даже не успел внимательно рассмотреть лицо того дедушки. А он-то спас меня.

В палату вошёл врач. Сквозь толстые линзы очков на меня смотрели добрые глаза. Старик нагнулся ко мне и прошептал: «Ты не успел пожить».

Даже находясь в трудной ситуации, нужно не терять способность сострадать и быть готовым прийти на помощь.

Дело всей жизни

Родион Боголюбов

Первый ярус... Второй ярус... Рынок Подгорода... Шахтерские казармы... Двери и стенки деревянного лифта иногда издавали странный треск. Маркус и его сопровождающие опускались всё ниже, в глубь города Арк.

Это огромный и величественный город располагался на высокой горе. Изящные шпили уходили вверх настолько высоко, что буквально пронзали небо. На самом верху горы стояли храм и здание правительства. Верхние районы горы занимали знатные и обеспеченные горожане. Работяги и обычное население проживали у подножья. Склады и шахты располагались под районами обычных людей, то есть под землёй — в ярусах так называемого Подгорода. Бедняки, больные, бродяги обитали в самых дальних и нижних уголках.

Именно туда сейчас и направлялся Маркус и двое солдат, сопровождавших его. Они должны добраться до старой водокачки. Маркусу поручили сообщить человеку, работающему на ней, что правительство больше не нуждается в его услугах. Теперь по всему Подгороду будут установлены новые трубы с системой фильтрации воды, которые полностью заменят ручной труд.

Двери старого деревянного лифта открылись, и в голове Маркуса сразу помутнело от омерзительного запаха гнили и мусора...

«Добро пожаловать на семнадцатый ярус Подгорода, господа!» — произнес лифтёр.

Выйдя из лифта, Маркус вместе с солдатами прошли два безлюдных квартала, повернули за угол и остановились у покосившегося дома около канала. Сбоку от него располагалось огромное колесо, перегоняющее воду. Место выглядело неухоженным, заброшенным, но в доме их встретил пожилой мужчина в чистой, хоть и бедной одежде. Мебели было немного, зато всё внутри говорило о том, что порядок в доме постоянно поддерживается. Внутреннее убранство жилища никак не соответствовало его внешнему виду. Тем не менее, как показалось Маркусу, все здесь вызывало тоску и печаль.

— Здравствуйте, господа! Проходите, располагайтесь! Вы, верно, пришли узнать о состоянии насоса или помпы? — спросил хозяин дома.

— Нет, господин Джеспер. Мы принесли Вам радостные вести. Правительство Арка больше не нуждается в вас и вашей водокачке, — безэмоционально и по-чиновничьи чопорно произнес Маркус.

— Но... Она же снабжает весь город чистой водой, — изумленно возразил Джеспер.

— В Арке были установлены специальные трубы, имеющие фильтры для очистки воды и перегона отходов. Теперь ваша старая водокачка не нужна, поскольку город сможет обеспечить себя сам. А вы, как почётный житель нашего города, сможете уйти на покой и наконец отдохнуть, — отчеканил Маркус.

У Джеспера была тяжелая судьба. Жена бросила его пятнадцать лет назад, а маленький сын умер от лихорадки спустя четыре года после этого. Зарплаты мужчине едва хватало на еду, но он уже привык жить скромно. Соседи по кварталу предлагали ему сменить работу или продать дом со всем оборудованием, но он всегда наотрез отказывался...

— Я следил за станцией всю свою жизнь. Я не могу бросить это дело, это моя обязанность, от этого зависит каждый день всех горожан, — тихо произнес Джеспер и взглянул Маркусу в глаза.

В этот момент в душе чиновника что-то неприятно пошевелилось. Но ответил он так же строго:

— Я понимаю вас. Но это приказ свыше. Я ничего не могу с этим сделать.

— Я вас понял... Спасибо.

Маркус покинул семнадцатый ярус Подгорода в раздумьях. Он был доволен, что выполнил поручение. Но мысли о том, что работа на водокачке была всем, что оставалось у этого бедного мужчины, никак не оставляла его.

На следующее утро фильтры в трубах заработали. Город продолжал жить своей жизнью: правительство разрабатывало новые планы для улучшения инфраструктуры, торговля в верхних районах процветала, огонь в шахтах Подгорода не затухал.

Всё шло своим чередом, но спустя несколько месяцев один из фильтров засорился и взорвался. Вся новая система очистки воды в городе перестала работать. На верхних ярусах звучала тревога, правительство стало разворачивать изоляторы, в которых должны были лечить возможных отравившихся. Однако, когда ученые провели экспертизу воды, выяснилось, что в город она продолжает поступать в очищенном виде. Маркус услышал об этом и тотчас вспомнил Джеспера и понял, что нужно сделать.

Прошло несколько дней. Маркус шел к Храму. Он поднимался по лестнице все выше и выше. Лучи яркого солнца слепили глаза. Вокруг на грядках росли желтые тюльпаны и розовые ландыши.

В воздухе пахло свежестью, небо светилось, и облака летали по нему легко, как пух. Джеспер сидел на скамейке в саду Храма, на самой вершине горы. Маркус тихо подсел к нему. Несколько секунд каждый из них смотрел на вид, открывавшийся с высоты, и думал о чём-то своем.

— Красиво, правда? — нарушил тишину Маркус.

— Да, правда, — спокойно ответил Джеспер.

— Я хочу сказать вам спасибо, Джеспер. Ведь это вы спасли город и всех его жителей? Вы получите один из лучших домов в Верхнем Районе. Прямо здесь, возле Храма и Ратуши. Вам будет ежемесячно выплачиваться солидное пособие, которые вы сможете тратить на всё, что захотите. Главный хранитель также изъявил желание выдать вам медаль «Герой Арка», — торжественно произнес Маркус.

— Спасибо, но мне ничего не надо. Я не брошу своё ремесло, даже если не буду получать никаких почестей за работу. Самым лучшим подарком для меня будет, если мне позволят заниматься моим делом. А самой лучшей наградой — благодарность и здоровье наших граждан.

Джеспер посмотрел в глаза Маркусу и улыбнулся.

Ты должен быть верен своему делу до конца. И тогда, занимаясь тем, что нравится, ты сможешь приносить пользу и себе, и людям вокруг.

В лесу

Антон Николаев

— Мам! Мы уходим! — раздался громкий крик Вики из комнаты. Она недавно пообедала — бабушка приготовила вкусный грибной суп. Особенно он понравился её младшему брату Мише. А теперь они собирались идти в лес. Но пока Миша сидел в гостиной и упорно пытался засунуть своего любимого плюшевого медведя в рюкзак. Он очень хотел взять с собой все необходимые, по его мнению, вещи. В рюкзаке уже лежали зубная щетка, кружка, батон хлеба, настольная игра и солнечные очки, которые были сильно велики и вечно спадали с вздернутого носа пятилетнего Миши.

— Давайте! Только недолго! — мама, выходя из своей спальни, громко ответила Вике, намеревавшейся погулять с братом по лесу, собрать ягоды для маминого варенья и искупаться в речке.

— Хорошо! Скоро вернемся! — девочка выбежала из комнаты с небольшой сумкой. Пока она надевала босоножки, мама помогла Мише засунуть в рюкзак медведя. Брат с сестрой попрощались с мамой и вышли за пределы дачного участка.

До леса было около километра. Вика точно знала, что дорога шла по прямой, мимо продуктового магазина и автобусной остановки. Пока они шли, Миша успел дважды достать своего медведя и убрать его обратно. Он был готов обсуждать все волнующие проблемы — от протекающего на кухне крана до того, почему деревья зелёного цвета. Вика охотно отвечала, периодически поглядывая на время. Когда они, наконец, дошли до лесной тропинки, Миша усмирив своё любопытство и стал внимательно смотреть под ноги — по совету сестры. В тишине они шли ещё минут пятнадцать. Вика иногда опускалась к кустам и срывала ягоды.

— Долго еще? Я устал, хочу домой! — сказал вдруг Миша.

— Извини, сейчас дойдём до речки, а потом сразу обратно, — ответила Вика.

На самом деле она не могла этого обещать. Она собрала совсем мало ягод и не хотела возвращаться домой с пустыми руками. Осознавая, что и маму, и брата нельзя подводить, она решила ненадолго сойти с тропинки. «В глубине леса ягод же должно быть очень много», — думала она.

Всего за пару минут ей удалось собрать куда больше, чем за всё время до этого, и она решила довести дело до конца. Уставший Миша нехотя плёлся за сестрой, время от времени повторяя, как сильно хочет домой. Впрочем, в какой-то момент он отвлекся и стал помогать сестре находить те ягоды, которые росли низко.

Спустя двадцать минут мешочек Вики был полон. Значит, можно было возвращаться.

— Ну всё, заканчиваем, теперь можно и искупаться, да? — сказала Вика и подняла голову.

Тут она поняла, что вообще не представляет, где они находятся. Рядом были только деревья, над головой шумели покачивающиеся ветви сосен. Тропинка, которая могла бы вывести их домой, исчезла. Она сразу решила, что нельзя пугать брата, и просто пошла вперед, надеясь, что сможет быстро отыскать дорогу домой.

Девочка не знала, сколько прошло времени, телефон разрядился, а часов у неё не было. Начинало темнеть, и ей становилось всё страшнее. Миша начал хныкать и канючить, потому что хотел быстрее прийти домой и показать маме, сколько ягод он для неё собрал. Но Вика ничего не могла сделать. Она бродила с братом за руку из стороны в сторону, не понимая, куда идти. Слёзы уже появлялись на её глазах, но она сдерживалась, чтобы не показать Мише, что что-то не так.

Он и так понял, что сестра расстроена.

— А давай просто сядем вон на те пеньки и поиграем?

Вика остановилась и кивнула. Так Миша хотя бы не будет грустить.

Пока они играли, Вика смотрела на то, как братик искренне смеётся и радуется, и понимала, что не стоит и сейчас говорить ему, что они заблудились. Ей было совестно, что они потерялись по её вине, ведь она старшая, она должна отвечать за них обоих. Пока Вика думала об этом, вокруг стемнело. Она ужасно боялась темноты. Но сейчас она знала, что времени медлить нет. Надо взять себя в руки и идти. Им нужно срочно выбираться из леса. Она быстро помогла Мише собрать игру обратно в коробку. Пока он складывал фигурки, Вика попыталась встать и пойти, но страх перед неизвестностью был сильнее. Хруст веток заставлял вздрагивать, тишина звучала зловеще. Вике начало казаться, что вокруг кто-то ходит. У неё немного дрожали колени, а слезы уже потекли по щекам. Она услышала тихое посапывание и быстро обернулась — Миша лег на землю, облокотившись на маленький пенек. Он иногда шмыгал носом, но глаза не открывал.

Вика села на траву и заплакала. Она понимала, что из-за неё с Мишей может случиться что угодно. Она боялась что-то сделать, темнота была настолько пугающей, что Вика не могла пошевелиться.

Вчера они играли с Мишей в догонялки. Он чаще водил, но каждый раз звонко смеялся, когда его салили. В выходные мальчик помогал маме приготовить оладьи и сам раскладывал их по тарелкам. Отдельная порция досталась любимому плюшевому медведю, и Миша очень расстроился, когда вспомнил, что медведь игрушечный и не сможет ничего съесть. Она опять обернулась — брат лежал, закутавшись в полотенце, а рядом — его любимый медведь.

Вика решила, что ни один в мире страх не может быть важнее, чем её семья, что она должна сделать что угодно, чтобы они вернулись домой сейчас, чтобы не подвергать Мишу опасности и не заставлять маму волноваться. Она ещё несколько секунд оставалась на месте, но потом стала будить Мишу:

— Вставай! Мы идём к маме!

Вике было страшно, что она так уверенно говорила это, хотя сама не знала до конца, как скоро они будут дома. Но она старалась верить, что будет.

Миша встал с грустным лицом, сунул игрушку в рюкзак, убрал полотенце и взял Вику за руку. Она прошла несколько минут с уверенностью, а затем страх вернулся к ней. Она слышала какие-то звуки, но не подавала вида, чтобы не пугать брата. Решив, что самое лучшее средство успокоиться — поговорить с братом, она начала разговор.

— Мы скоро будем у мамы, хорошо?

— Ты так уже говорила...

— Честно, Миша. Мы уже близко.

— Хорошо, я тебе верю.

Было всё ещё ужасно страшно, но слова брата её немного успокоили.

Они продолжили разговор и начали обсуждать всё подряд. Миша заулыбался, увлеченно рассказывая истории из своего детского садика. Вике стало совсем спокойно — её брат улыбался, а это главное. Она уверенно шла вперед, пытаясь отыскать дорогу. Темные ветки деревьев уже не казались такими страшными, тени больше не были похожи на чудовищ, а дорожки больше не путались под дрожащими ногами. Спустя время даже в этой темноте Вика начала узнавать знакомые места. И через несколько минут они оказались на знакомой тропинке, а ещё через полчаса, наконец, добрались до дома. Вика быстро успокоила маму, сказав, что они просто очень долго играли у речки. Миша налил себе чай и потащил Вику в комнату играть — она пошла с удовольствием, улыбаясь, потому что хотела, чтобы все они были счастливы.

Как бы ни было трудно, ты должен быть готов бороться со своими страхами ради общего счастья, ради своей семьи, близких и друзей.

Сон

Екатерина Федянина, Вероника Петрич

«Было морозно, шёл снег, а улицы непривычно быстро накрывала темнота. Это был канун Нового Года — время, которое все стараются провести дома, в кругу семьи и родных. Неестественным пятном на этой зимней картине была маленькая девочка, которая сквозь холод и тьму пробиралась по пустым улицам с непокрытой головой и босая...» — мамин голос плавно звучал в вечерней тишине. Павлик лежал в своей кровати, начиная потихоньку засыпать. В его голове уже возник образ бедной замёрзшей девочки, одиноко идущей по заснеженным дорогам, отчего мальчик слегка съёжился под одеялом. Мама улыбнулась и, прервав чтение, тихонько закрыла окно, через которое в комнату врвался холодный воздух. За окном стояла по-настоящему морозная зима.

Мама с любовью взглянула на Павлика, такого умиротворенного во время сна. Он так редко выглядел спокойным... Мальчик рос активным и не самым послушным ребенком. С утра и до вечера он мог скакать по квартире, с гонять голубей по двору дворовыми мальчишками или, если совсем нечего было делать, задирать младшую сестру Марусю. Она была всего на год младше и очень хотела проводить время со старшим братом. Даже в игрушки его играла втайне, чтобы быть к нему ближе, но это только злило Павлика ещё больше. Сколько бы мама ни пыталась объяснить сыну, что Маруся всего лишь хочет с ним подружиться, он и слушать ничего не хотел, кривя лицо на любые мамины увещевания. Иногда у неё возникало ощущение, что такие понятия, как «сочувствие» или «помощь» Павлику были вовсе неизвестны, хотя она и старалась всячески приучить его к этому. Казалось, что вся его жизнь состояла из мыслей о веселье и удовольствии только для себя одного.

Женщина поникла, погрузившись в тревожные мысли. Посидев ещё немного, она погасила лампу и, поцеловав сына, ушла к себе. В это время, погрузившись в глубокий сон, Павлик очутился на той самой улице, по которой медленно брела одинокая девочка из маминого рассказа. В руках у неё было несколько спичек...

С улицы огоньки в окнах домов казались особенно заманчивыми, ведь мороз был таким сильным, что мальчику показалось, будто он чувствует его запах. Павлик стоял посреди дороги совсем

потерянный и пришёл в себя только когда девочка подошла к нему почти вплотную. Собравшись с духом он спросил:

— Куда ты идёшь в такое позднее время? И зачем?

— Я продаю спички, — прозвучал еле слышный ответ. Не добавив больше ни звука, девочка побрела дальше.

Ясность рассудка начала возвращаться к Павлику. В его голове пронеслись мысли: «Да кому сейчас нужны её спички? И кому она сама нужна, такая замёрзшая и несчастная, когда все люди посвящают себя предпраздничной суете в такой вечер?». Мысли сменяли друг друга, а затем неожиданно разом пропали все, кроме одной: «Надо помочь этой несчастной девочке со спичками».

Павлик сорвался с места, решив догнать её сейчас же, но и бежать далеко не пришлось. Обессилев, маленькая продавщица спичек присела отдохнуть за углом ближайшего дома. Мальчик подошёл к ней и молча сел рядом. Девочка зажгла одну спичку. В этой спичке будто сосредоточилась вся надежда, которую испытывала маленькая девочка в этом холодном и не приветливом мире... Не раздумывая, Павлик снял с себя курточку и накинул ей на плечи. Она ответила ему тёплой улыбкой. Согрешившись, девочка мирно положила голову на плечо Павлика и задремала. Мальчик глядел на неё, и, несмотря на морозную ночь, ему было очень тепло. Это была теплота его сердца, сумевшая их согреть. Павлик почувствовал, как тоже засыпает, его глаза закрылись и он очутился совсем в другом месте. Мальчик стоял на оживлённой улице, мимо него проходили люди, они громко разговаривали, но их голоса доносились до мальчика словно издалека. Все куда-то спешили, толкались, но среди этой толпы он заметил двоих — мужчину и женщину, которые тревожно расклеивали какие-то бумажки на фонарные столбы. Павлик подошёл к ним поближе и начал с любопытством рассматривать листовку. На ней был изображён сильно потрёпанный плюшевый зайчик со смешной мордашкой. Мальчик повернулся к паре и спросил:

— А что вы делаете?

Женщина ответила:

— Наш сын потерял своего любимого зайчика на прогулке, а сегодня ночью бедный мальчик сильно заболел, простудился. Скоро Новый год, и из всех возможных желаний для Деда Мороза он попросил только об одном — найти его любимого плюшевого друга, который непременно поможет ему выздороветь.

— Вот мы и расклеиваем эти объявления, вдруг кто-нибудь увидит зайчика и сделает нашего сынишку счастливым в этот праздник! — продолжил папа.

Павлик представил себе маленького мальчика, такого же возраста как и его сестра Маруся, лежащего в кровати и мечтающего лишь

о своей любимой игрушке. Неожиданно для самого себя что-то защемило в груди, а слова сами собой вырвались наружу:

— Давайте я помогу вам расклеить эти листочки? Я хочу, чтобы у вашего сына в этом году был самый чудесный Новый год!

Мужчина и женщина переглянулись, слёзы показались в уголках их глаз, но при этом они абсолютно счастливо улыбались. Работа пошла быстрее, и вскоре уже весь район был увешан изображениями потрёпанного весёлого зайчика. Довольный проделанной работой, Павлик присел на лавочку отдохнуть. Он прикрыл глаза и... проснулся. В окно ярко светило зимнее солнце, и его лучи разбежались по всей комнате солнечными зайчиками. Из кухни вкусно пахло свежеспечённым булочками.

В комнату вошла Маруся, в руках у неё была красная машинка и маленькое колесико. Лицо девочки было красное и влажное от слез, а взгляд устремлен в пол.

— Павлик, ты, прости меня, пожалуйста, — всхлипнула малышка. — Я только посмотреть хотела, а оно — раз — и покатилося. Ты только не сердись! Я маме рассказала, она обещала, что купит новую, — затараторила она.

Мальчик не стал дослушивать извинения. Он вскочил с кровати и бросился обнять сестру.

— Ну и чего ты плачешь? Подумаешь, машинка! Да у меня и без неё куча игрушек! Можем в них вместе играть. Или, может ты хочешь на каток? Или с горки на ледянках покатаемся? Ты прости меня, Маруся, я как-то раньше не думал, что обижаю тебя. Но теперь-то мы обязательно подружимся, я обещаю. Ты только не плачь.

В комнату зашла мама и пригласила детей за стол. Это был самый тёплый завтрак в их семье. Они много общались, делились впечатлениями, смеялись, а потом вместе пошли на улицу, ведь в последний день уходящего года нельзя сидеть дома! В парке Павлик увидел девочку с бенгальскими огнями, ну очень похожую на маленькую продавщицу спичек. А пройдя ещё немного, он повстречал счастливую семью. Мама с папой, точно такие, как во сне, стояли в сторонке и наблюдали за сынишкой, который, прижав к себе рукой плюшевого зайчика, бегал по белоснежным сугробам и напевал новогодние песенки.

Перемены всегда даются трудно, но мы должны быть готовы меняться ради других, дарить добро и теплоту своего сердца всем вокруг.

Джордано Бруно

Татьяна Лобанова, Татьяна Андреева, Анна Юрлова

17 век, Италия — время переосмыслений обычной жизни, свершения новых открытий и борьба за право говорить то, что идёт вразрез с привычными устоями. Учёные совершали невозможные для того времени вещи, но не все из достижений принимались научным сообществом. Многие философы, опередившие своё время, были казнены за то, что их открытия шли вразрез с устоями, утверждёнными церковью.

Окрестности Венеции. Обширные, залитые солнцем луга и поля. Везде небольшие каменные домики, а вдалеке — здание заметно больше остальных. Время было раннее, но к этому строению уже стягивалась толпа ребят. В сельской школе начинался первый урок. Туда прибыл новый, никому пока не известный, учитель.

Лука никогда не был прилежным учеником, но у нового учителя был такой странный вид, что, как минимум, из любопытства, мальчик сел за первую парту.

Повернувшись спиной к классу, учитель написал на доске тему урока: «А-стро-но-ми-я». Это слово Лука где-то слышал, но точного представления о нём не имел. Все предыдущие учителя преподавали только грамматику и арифметику.

После этого учитель начал рисовать круги, один внутри другого, а на кругах, как бусины на нитке, рисовал шары. В центре был самый большой шар.

Когда учитель закончил, он сказал:

— Посмотрите все, что я нарисовал. Это существует очень далеко от нас. Мы все с вами находимся на вот этом космическом теле, планете, — учитель замолчал, как будто обдумывая следующие слова, — в центре Вселенной.

Кто-то из учеников начал охать, кто-то — задавать вопросы: «А что на других планетах? Там что-то есть? А туда можно попасть?».

Но Лука, хоть и не меньше остальных был поражён рассказом учителя, думал о другом. В глазах преподавателя читалась какая-то тоска, грусть, разочарование... Мальчик не мог перестать думать об этом. В конце занятия, набравшись смелости, он подошёл к учителю и спросил:

— Вас чем-то расстраивают планеты? — вопрос прозвучал по-детски глупо, но учитель улыбнулся.

— Меня? Планеты? Нет, точно нет.

— Тогда почему у вас такой взгляд, как будто вы что-то потеряли?

— Тебе правда это интересно?

Мальчик стоял непоколебимо и ждал, поэтому учитель продолжил:

— Сегодня я потерял честность... Я рассказываю вам то, во что сам не верю. Но я не имею права делиться этим открытием с другими, если хочу остаться в живых.

Мальчик удивился. Он когда-то уже слышал, что людей наказывали за слова, называемые «ересью». В Луке вдруг начало разгораться желание узнать у учителя про «это», его открытие, которое, правда, соседствовало в голове мальчика с желанием убежать скорей домой. Ведь вдруг как только он узнает этот секрет, весь мир для него станет другим... Но любопытство пересилило.

— Вы мне можете рассказать?

В этой просьбе была такая мольба, что у учителя не осталось сомнений. Он видел себя в этом мальчике, который, ни с того ни с сего, хочет погрузиться в новые знания. Стремление к истине — это желание, достойное, чтобы его удовлетворили.

— Я много читал и много видел, следил за звёздами. Однажды во сне у меня сложилась настоящая, полная картина мира. Я понял, что Вселенная слишком велика, чтобы наша земля была в самом её центре. Звезда, которую мы называем Солнцем — вот центр. Но и то не для Вселенной, а лишь для нас. Остальные звёзды — это ничуть не другие миры, а такие же «Солнца» — светила, которые освещают бесконечное пространство космоса.

Лука затаил дыхание, боясь даже немного пошевелиться. Он почувствовал себя крошечной пылинкой. Ведь он и был всего лишь каплей, по отношению ко всему остальному миру, просто раньше не задумывался об этом.

— Но почему Вы не делитесь этим открытием с миром? Почему вы искажаете нашу реальность?

— Мальчик мой, пойми, я ведь только лишь хочу сохранить свою жизнь. Ты же умеешь читать? Разве ты не читал про то, что случается с теми, кто желает перевернуть мир?

— Значит, люди останутся в неведение?

— Какие-то да, какие-то нет. Я пытаюсь рассказать людям правду, но не все хотят слушать...

На этом разговор и закончился.

Многие недели после этого Лука оставался после занятий в школе, и учитель погружал его в свою философию глубже и глубже. Лука

познавал новые границы мира, а точнее их отсутствие. Мальчик загорелся идеями учителя, стал предан им, как собственным, и верил в них так, будто сам видел весь космос своими глазами.

Но в один день эта идиллия разрушилась, как часто бывает в этом мире.

— Лука, мне пора ехать в другую провинцию, иначе государственные служащие найдут деревушку, где я скрываюсь.

— А что же дальше будет со мной?

— Ммм... Вообще, я думал про тебя. Ты можешь отправиться со мной. Мир велик, и всем давно пора узнать, насколько. Я уверен, если ты продолжишь учиться, то сможешь передать мои идеи так, чтобы каждый встречный нам в них поверил.

Одновременно и радость, и страх захватили Луку. Такое признание от учителя, такая честь отправиться вместе с ним и творить историю. Но страх не покидал мальчика. Он никогда не думал серьёзно про то, чем хочет заниматься в жизни. А тут так резко появился выбор, и от одного решения может измениться вся его жизнь...

— Когда вы отправляетесь? Можно мне немного подумать? — ответ расстроил учителя, но ответил:

— У тебя есть время до завтра. Сейчас я отправляюсь в Венецию, чтобы купить некоторые вещи, а потом сразу уеду.

— Я всё понял, спасибо, — мальчик убежал домой.

В тот вечер он размышлял только лишь о том, как может сложиться его жизнь, согласись он на предложение учителя, и готов ли он к этому. Целую ночь Лука не сомкнул глаз от бесконечных переживаний. Под утро он всё решил для себя и собирался сообщить об этом учителю...

В школу Лука пришел одним из первых. Сел, как обычно, за первую парту и стал дожидаться учителя. Шло время, ученики приходили, но самого учителя не было. Его ждали, ждали долго.

Войдя в кабинет, один из учеников громко заявил:

— Вы слышали? Говорят что его осудили, и он больше не придет. В газете писали про человека похожего на него. Кто-то откликнулся:

— Да, точно, я тоже читал. Там был огромный костёр.

Лука не понимал, о чём все говорят. Он выхватил газету у одного из одноклассников. Там описывалось то, что случилось с его учителем.

На Площади Цветов в Венеции учитель попал в ловушку. Его настигли люди, служившие в церкви, схватили и привязали к столбу перед толпой. Ему дали возможность «искупить грехи» и отказаться от своих убеждений, но учитель до конца остался

верен им. Когда вокруг него начали зажигать костёр, он выкрикнул: «Сжечь — не значит опровергнуть!».

Луке хотелось закричать. Из его глаз потекли слёзы. Он никак не верил, не хотел верить в то, что он больше никогда не увидит своего учителя, не услышит его интересные рассказы про мир и планеты, не сможет задать ему вопросы. Спустя пару секунд паника немного отступила, и мальчика посетила другая мысль. «Сжечь — не значит опровергнуть!». Он выбежал из школы и побежал домой.

Лука понял, что его учитель больше никому не сможет рассказать о своём открытии, ни с кем не поделится своими мыслями... А значит кто-то должен сделать это за него... «Сжечь — не значит опровергнуть», — вертелось в голове у мальчика. Он может продолжить дело своего учителя, чтобы его труд не был напрасным.

Лука собрал книги учителя и отправился в путь. Он посвятил свою жизнь тому, чтобы как можно больше людей узнали о том, во что так верил его учитель. Ради чего он был готов пожертвовать собой.

Учителем Луки был Джордано Бруно. Спустя 300 лет со дня его казни на Площади Цветов был открыт памятник в его честь. На постаменте есть надпись: «Джордано Бруно — от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжён костёр». Благодаря своим ученикам Джордано Бруно не был забыт.

Не бойтесь открытий и всегда оставайтесь верными своим убеждениям.

Видеть хорошее

Александра Беляцкая

Когда я был ребенком, я жил в небольшом городке высоко в горах. Не могу сказать, что там было плохо. Даже напротив, мне кажется, наша долина — удивительное местечко: чистый воздух, невероятные виды, бескрайнее синее небо. Поймите меня правильно, у меня было замечательное детство! Но по какой-то причине чуть ли не с пеленок я был уверен, что мне суждено перебраться в большой город. Переезд стал моей первоочередной целью и заветной мечтой. Вероятно, это влияние моих родителей. Они всегда желали мне самого лучшего и хотели, чтобы моя жизнь была интереснее и насыщеннее, чем пребывание в наших краях.

Как бы то ни было, долгие годы жизни вдали от дома не давали мне забыть родные места. И этому была своя, весьма необычная причина. Честно говоря, уехал бы я на пару лет раньше и, уверяю, по прошествии двух-трех недель я бы и не вспомнил, где провёл юношеские годы.

Но года за два до намеченной мною даты отъезда к нам перевели девочку из соседней школы. Она сразу показалась мне невероятно милой. Но моё внимание, если честно, привлекло кое-что другое. Почти сразу я заметил, что каждый день после уроков моя новая одноклассница куда-то убегала.

«Марк, ну что же ты каждый раз так обречённо смотришь? — однажды сказала она. — Если хочешь, пойдем со мной, я тебя кое с кем познакомлю». «Необычно», — подумал я, но отказываться не стал.

Мы быстро поднялись по крутому склону, оказавшись в другой части деревни, преодолели множество запутанных переулков и вскоре вышли на небольшую площадь. Там толпа детей и взрослых обступила крупное раскидистое дерево. Люди стояли вплотную друг к другу, и мне за их спинами практически ничего не было видно. Аня, так звали мою знакомую, легко проскочила между ними и исчезла. Я тоже начал осторожно пробираться вперёд. Оттолкнув нескольких человек, я понял, что предмет интереса представлял мужчина, удобно устроившийся на скамейке. Перед ним стоял старенький мольберт, в руках его были кисть и палитра. У художника были невероятно мягкие и добрые черты лица. Как

только я взглянул в его глаза, мне отчаянно захотелось поделиться с ним самыми сокровенными секретами.

«Марк, аккуратнее, не толкайся. Он же может свалиться», – звонко воскликнула Аня, которая сидела на бордюре рядом с мужчиной. Я немного опустил глаза и увидел, что табуретка, на которой восседал совсем маленький мальчик, очень неустойчиво стояла в сантиметре от меня. Как я понял, взглянув на мольберт, мальчик позировал. Я толком не успел рассмотреть получившийся портрет, как мужчина объявил: «Ну всё, дружок, я закончил». Мальчик рассыпался в благодарностях, бросился на шею художнику, схватил портрет и убежал, вскрикивая: «Мама, мама, посмотри, правда я хорошо получился?» Я невольно улыбнулся.

Теперь подскочила Аня: «Фёдор Петрович, надеюсь, вы ещё не слишком устали. Напишите, пожалуйста, портрет моего одноклассника. Его зовут Марк», – Аня вытолкнула меня вперёд.

«Ну давай, раз ты так просишь. Тебе, Аня, отказать не смогу». Фёдор Петрович одним движением придвинул мольберт с чистым грубоватым листом, взял в руки палитру и устремил свой взгляд в моё робкое лицо. Мне показалось, что художник в тот самый момент увидел не только мои голубые глаза и слегка покрасневшие на солнце щёки, но и неожиданную и совершенно мне несвойственную застенчивость, открытую всему миру душу и даже ребяческую надежду на большое будущее. Затаив дыхание, я сидел и очень старался не дёргаться. Весь погружённый в рисование, Фёдор Петрович произносил разные звуки, подпевал, ухмылялся. Именно так, я думаю, представляют обычно художников, всецело погружённых в работу. Наконец мужчина развернул полотно. Фёдор Петрович необычайно точно перенес все мои черты на лист. Ему удалось словить каждый оттенок, каждое красное пятнышко, едва заметную ссадину на губе, блеск в моих глазах. Но сердце моё забилось чаще, потому что я почувствовал, что Фёдор Петрович выразил то, чего не замечали другие. Вероятно, он передал кистью то, чего не видел даже я сам. Большие глаза, которые смотрели на меня с листа бумаги, были полны уверенности, надежды и доброты. Впрочем, на портрете я был похож на самого себя больше, чем на любой существующей моей фотографии. Я был не такой холодно-идеальный, как люди с картин, которые мы рассматривали на уроках, но живой, настоящий. До сих пор не могу понять, как человеку, который увидел меня в первый раз в жизни, удалось отразить, наверное, всё хорошее, что когда-либо было во мне.

Фёдор Петрович аккуратно протянул мне мой портрет. В ответ я стал смущённо что-то бормотать и рыться в карманах. В конце концов я вытащил помятую купюру и, опустив глаза, сунул

в руку художнику. Он поднял брови и ухмыльнулся: «Марк, если я верно запомнил?» Я кивнул. «Если хочешь поблагодарить меня, просто приходи ещё. Хорошо? В следующий раз можешь захватить мне мороженое».

Я пришёл на следующий день. Через день я пришёл тоже. И мороженое принёс. Я стал бегать с Аней в верхнюю деревню каждый день после уроков. Часто покупал мороженое. Прямо на площади мы с Аней делали домашнее задание, разговаривали с Фёдором Петровичем. Через некоторое время он начал по чуть-чуть учить меня рисовать. Помню, он объяснял, как смешивать краски, держать кисть, как передать настроение и характер.

Изо дня в день Фёдор Петрович рисовал жителей города и проезжих гостей. Всякий раз история повторялась. Вот садится на табуретку человек. Например, дяденька какой-то. Я внимательно-внимательно смотрю на него. Ну на самом деле дяденька, как дяденька. Хмурый, сердитый, я бы даже сказал довольно-таки неприятный. Фёдор Петрович тоже тщательно рассматривает его и принимается писать. И вот уже через пару часов, я вижу завершённый портрет того самого дядечки. Только совсем не хмурого, а спокойного, ответственного и совершенно безобидного. Я снова поднимаю глаза. И правда, тот самый дядечка. И не такой уж сердитый. А когда он свой портрет получает, то и вообще самый улыбчивый на свете. В голове не укладывается.

Время шло и настал день моего отъезда. В последний раз я поднимался на уже родную мне площадь.

Сидя под огромным деревом, я не сдержался и, смешивая ультрамарин и титановые белила, сказал: «И всё-таки я не понимаю, Фёдор Петрович, ну как это у Вас получается? Не могут же в самом деле все люди быть такими замечательными, как на ваших рисунках».

Он улыбнулся: «Возможно, Марк, ты и прав. Даже наверняка ты прав».

Я озадаченно повернул голову: «Но вы совсем не врётё, когда рисуете, это я точно знаю и вижу. На портретах у вас получается самая настоящая правда. Как же так?»

«Всегда смотри внимательнее, Марк. Не все люди несут в мир добро, в этом не стоит даже сомневаться. Но ведь в каждом есть что-то хорошее, даже если мы сначала не замечаем этого. Надо просто присмотреться», — он ненадолго задумался, — «Тем более, когда человек видит свою хорошую сторону, у него появляется желания её сбересть и сохранить».

Я долго прощался с Аней и Фёдором Петровичем. Все мы плакали.

Потом уехал. Было очень сложно. После переезда всё вокруг стало мне в новинку. Но всякий раз, когда я терял веру, когда мне хотелось всё бросить и сдать, я доставал из внутреннего кармана сложенный портрет, написанный Фёдором Петровичем в день нашего с ним знакомства. Я смотрел на того Марка и убеждался, что у него, у того мальчика, которого увидел художник, то есть, как ни странно, у меня, всё получится. Силы быстро возвращались, а вместе с ними и вера в себя.

Через много лет обстоятельства привели меня обратно в родной городок. Первом же делом я побежал на площадь. За пару мгновений я оказался в верхнем городе, ноги сами несли меня по знакомым переулкам.

Не знаю, чего я ожидал, но на площади Фёдора Петровича не оказалось. Я застыл как вкопанный: «Это невозможно! Фёдор Петрович просто обязан быть здесь. Он всегда был здесь! Вот наше дерево и его скамейка». Я не двигался и очень тяжело дышал.

Вдруг чья-то рука осторожно легла мне на плечо. Резко обернувшись, я увидел Аню. Она узнала меня и, конечно, я тоже её узнал! Она слабо улыбнулась, но глаза её были влажные и невероятно печальные. Едва я взглянув в них, мне всё стало понятно. Мы крепко обнялись. И на моих глазах тоже проступили слезы.

Только теперь я оглядел площадь. Не верится, что, очутившись на нашем месте, я не сразу заметил стены. Они были увешаны рисунками Фёдора Петровича так, что сероватого кирпича почти не было видно. На меня смотрело множество счастливых, добрых и открытых лиц. Девочки и мальчики, дети и взрослые. Мне показалось, что некоторых из них я даже вспомнил. Подойдя поближе, я разглядел аккуратные надписи рядом с некоторыми портретами: «Никогда бы не поверил, что я такой симпатичный», «Если бы не Вы, всё было бы по-другому», «Ловлю себя на мысли, что я – это все ещё я, только из-за этого портрета» и много-много других.

«Они все сами их принесли», – глаза Ани блестели, но она всё ещё улыбалась, – «Вот мой». Она указала на лист бумаги почти в самом центре стены. Я усмехнулся, потому что оказалось, что Аня совсем не изменилась. Всё та же жизнерадостная и искренняя девочка с заразительной улыбкой.

Я вытащил из кармана сложенный портрет и карандаш. Рука дрожала, но я старательно вывел надпись: «Фёдор Петрович, спасибо, что помогли сохранить самое лучшее, что есть в нас».

Всем следует найти в себе способность видеть и показывать остальным хорошее в каждом из нас.

Клаус

Татьяна Андреева

Мистер и Миссис Клаус жили в маленьком северном городке. Они были самой обычной семьёй, полной мечтаний о счастливой жизни. И их планы, один за другим, начинали сбываться.

Первой их мечтой было построить большой красивый дом. Они пилили доски, разрисовывали стены, клеили обои. Всё делали вместе. Дом получился действительно очень уютный и просторный, с множеством комнат, освещённых лампами. Тёплый свет падал на чудесные рисунки. На одной из таких картинок были изображены Мистер и Миссис Клаус с маленьким ребёнком, который держал обоих родителей за руки.

Это была их вторая мечта. У них родился сын, которого они очень любили. Родители старались сделать каждый его день настоящим праздником. Однако один день в году был для семьи Клаус особенно важным — это было Рождество. Для своего сына Мистер и Миссис Клаус каждый год организовывали целое приключение. Наряжали ёлку, украшали дом гирляндой и мишурой, придумывали конкурсы, готовили большой рождественский стол. А вечером дарили друг другу подарки, которые делали своими руками. Миссис Клаус сама шила игрушки, а Мистер Клаус мастерил подарки из дерева. Маленький сынишка обожал Рождество. Вдохновляясь родителями, он сам начал готовить им подарки. Рисовал небольшие открытки и пёк печенье вместе с мамой. Семья Клаусов была очень счастлива.

Одной холодной зимой, когда мальчишке было лет семь, семья Клаусов отправилась гулять по заснеженным улицам, закутавшись в тёплые вязаные шарфы. Они пели рождественские песни и оживлённо болтали. Проходя мимо неприметного серого здания, семья заметила несколько грустных ребят, сидящих на ступеньках.

— А почему они такие печальные? — спросил мальш.

— Не знаю, — ответил Мистер Клаус. — Давай развеселим их! Эй, ребята! Айда с нами снежную бабу лепить!

Дети удивились, но с радостью присоединились к игре. Они смеялись, играли в снежки, пели песни. Мистер Клаус задумался: «Почему такие весёлые, задорные дети скучали, сидя на ступеньках?» Ответ нашёлся сразу. Посмотрев на дверь серого здания, Мистер Клаус прочитал надпись «Детский дом №3».

Он всё понял. Этим детям никто не дарил любовь и заботу, никто не мог организовать для них праздник.

Придя домой, Мистер Клаус твёрдо решил, что вернётся к тому серому дому и подарит детям рождественское чудо. Он попросил Миссис Клаус сшить ему красную шубу и большой красный мешок, а сам сел делать подарки для ребят. Сын охотно помогал папе мастерить игрушки.

Вечером семья Клаусов вернулась к детскому дому № 3. Вместе с ребятами они украсили скучное серое здание мишурой, а потом стали петь и танцевать. Мистер и Миссис Клаус раздали всем детям подарки. Постепенно возле детского дома собралось много народу: кто-то просто смотрел, кто-то присоединился к весёлым играм, кто-то, просто проходя мимо, подпевал детским песням.

Вернувшись домой, Мистер Клаус задумался: «Я смог подарить праздник этим детям. Сколько ещё таких же ребят, которые остаются без праздника?».

В этот день Мистер Клаус понял, что он хочет осчастливить всех детей в этом мире. Он начал писать в газеты, рассказывать о себе, и ему стали приходить горы писем от детей, мечтающих о празднике. Вместе с женой и сыном Мистер Клаус весь год мастерил подарки, которые потом разносил детям. Это стало делом его жизни.

Однажды, когда Мистер Клаус возвращался домой, его узнал на улице мужчина. Он подошёл к нему и спросил:

— Зачем ты всё это делаешь? Ты же ничего не получаешь взамен. Работаете в убыток...

— Вы не правы, взамен я получаю очень многое. Моя главная оплата — это детские улыбки.

Желание приносить людям радость и делиться положительными эмоциями способно сделать вас самих счастливыми.

Звёздочка

Дарья Кириллюк

Был поздний вечер, лил дождь. Маленькая девочка сидела у окна и смотрела на стекающие по стеклу капли. Она не могла уснуть: каждый раз, когда она начинала засыпать, ей виделись страшные кошмары. Вдруг вдалеке появился маленький огонёк света. Девочка пригляделась и стала наблюдать за тем, как он приближается к её окну. Чем ближе был огонёк, тем чётче проявлялись его очертания. Когда он был уже совсем близко, девочка увидела, что это самая настоящая звезда, которая направлялась прямо к ней. Малышка быстро поднялась, чтобы открыть окно. Ей пришлось потянуться вверх, чтобы поймать небольшую звёздочку своими руками. Она была не холодной и не горячей, а тёплой, такой же тёплой как и свет, исходящий от неё.

Звезда заговорила:

— Привет! Почему ты не спишь?

Девочка от изумления потеряла дар речи.

— Тебе приснился плохой сон, я угадала?

В ответ девочка просто кивнула.

— Ясно. А как тебя зовут?

— Прости, мамасказала, что говорить своё имя незнакомцам нельзя...

— Ничего! Твоя мама правильно говорит. Но и я тебе совсем не чужая. Я Лилит. И я здесь, чтобы оберегать тебя от плохих снов!

— Меня зовут Соня... А как ты поняла, что мне приснился кошмар? — в глазах Сони явно читалось недоверие.

— Это наша работа. Когда ребёнку снится плохой сон, одна из звёзд падает с небосвода прямо к нему, чтобы защитит от кошмаров. Поэтому я упала к тебе.

— Ты будешь защищать меня от плохих снов? — Соня все ещё не могла поверить в происходящее.

— Да, просто поставь меня рядом с собой, и тебе будут сниться только хорошие сны! Только давай договоримся кое о чём...

— О чём? — Девочка перебила Лилит, теперь ей было совсем не страшно.

— Ты никому не должна обо мне рассказывать. Я должна быть твоим маленьким секретом!

— Даже маме нельзя рассказать? — спросила Соня.

— И даже маме. Если кто-то узнает обо мне, у меня больше не получится оберегать твои сны...

— Ох, понятно...

Сказав это, девочка поставила звезду на тумбочку рядом с кроватью. Мягкий свет звезды озарил комнату. Соня забралась под одеяло и быстро заснула.

С тех пор, звезда всегда оберегала сны девочки. Соня брала её с собой в летние лагеря, путешествия... Куда бы она не ездила, её звездочка всегда была с ней. На вопросы друзей и родителей она отвечала, что это ночник, который ей подарила подруга. Она боялась потерять свою звезду, которая оберегала её сны.

Когда Соня выросла, она твёрдо для себя решила, что хочет помогать людям, так же как её звездочка помогает ей. Она поступила в медицинский колледж. Ей было важно знать, что своим делом она может сделать чью-то жизнь лучше. Она старательно училась, не пропускала занятия, всегда делала домашние задания и сдавала экзамены на отлично.

После окончания колледжа она сразу же устроилась на работу в больницу, где раньше проходила практику.

Работа в больнице оказалась сложной. Соня всегда переживала за каждого из своих пациентов, старалась помочь и поддержать.

Ей помогала её звезда, которую Соня всегда носила с собой. Пускай девушка уже очень давно не слышала её голос, у неё всё равно сохранялось ощущение, что кто-то всегда готов ей помочь.

В одной из палат больницы маленький мальчик Костя сидел на своей кровати, подогнув ноги. Ему приснился страшный сон, и он никак не мог снова заснуть. Вдруг в комнату зашла дежурная медсестра, которая проверяла, все ли уснули. Увидев Костю, сидящего на своей кровати, она подошла к нему и присела рядом. Девушка положила свою руку ему на плечо и погладила.

— Почему ты не спишь? — шёпотом спросила медсестра.

— Мне приснился страшный сон, я не хочу больше спать, — ответил ей Костя, рассматривая свои ноги и пол, упорно игнорируя сидящую рядом работницу.

— Хочешь, я помогу тебе заснуть?

— Нет, тогда мне снова приснится кошмар.

— Я могу сделать так, чтобы тебе снились только хорошие сны,

Мальчик посмотрел на медсестру так, как будто он уже слишком взрослый для сказок, и спросил:

— И как же?

— Я дам тебе настоящую звезду, — глаза мальчика загорелись интересом

— Правда?

— Да. Знаешь, когда кому-то снятся плохие сны, с неба падает звезда, чтобы помочь уснуть. И у меня есть одна для тебя, — медсестра достала из кармана небольшой ночник и поставила его на тумбочку рядом с кроватью. — Ложись спать, тебе будут сниться только хорошие сны, я обещаю.

— Спасибо вам, тётя Соня!

Сказав это, Миша снова улёгся спать, а Соня вышла из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Она обошла все палаты, собрала свои вещи, пожелала другим медсестрам доброй ночи и вышла из больницы.

На улице шёл дождь. Соня достала зонт и раскрыла его, а после этого на какое-то время засмотрелась на окно палаты, где лежал Костя. Оттуда виднелся тусклый свет. Она грустно вздохнула и пошла домой. Да, Соня надеялась, что ей никогда не придётся расставаться с её звездой, но сейчас она была даже рада, что передала её Косте, ведь мальчику сейчас она была нужнее.

Стремление бескорыстно помогать другим и заботиться о младших, делаясь с ними самым дорогим, делает человека по-настоящему взрослым.

Новый мир

Майя Кругликова

Было около семи часов утра. Фонарщики зажигали солнечные лампы, уведомляя жителей города о наступлении утра и сменяя коллег, всю ночь следивших за светом тысяч маленьких фонариков, имитирующих звёзды. Купол, который заменял жителям города небо, становился голубым, покрывался искусственными, одинаковыми облаками. Из колонок, расположенных по всему периметру стен, раздавалось пение птиц, едва различимое за шумом просыпающегося города. Сотрудники, обеспечивающие работу комплекса «Земля-2», проверяли исправность кислородных машин, силу течения в искусственных реках, пригодность дождевых аппаратов и генераторов тумана. Все люди давно привыкли жить так: в окружении машин и ламп. Жители собирались на работу, в детский сад, школу или в университет.

Вот и один мальчик спешил в школу, как и сотни других учеников. Опаздывая на урок естествознания, он, запыхавшись, вбежал в класс и занял свое место. Пожилой учитель говорил негромко, и половина учеников игнорировала его тихий голос. Одноклассники шептались о предстоящей поездке, жизнях знаменитостей и прочей ерунде.

— Солнце — самая большая звезда в нашей системе, отдалённая от Земли на 150 миллионов километров... — раздавался шёпот учителя.

Мальчик вслушался. Он-то знал, что Солнце — огромный прожектор, расположенный к нижнему ярусу комплекса гораздо ближе миллиона километров. Он поднял руку, желая возразить учителю.

— Да? — старик печально взглянул на ученика.

— Солнце — это никакая не звезда, — уверенно заявил мальчик,

— Работники комплекса каждый день зажигают его с помощью переключателя!

Учитель тихо посмеялся и ответил:

— То, что видишь ты, поднимая голову в комплексе, не Солнце. Это лишь пародия на ту невероятно горячую и большую звезду, что расположена в космосе.

— Нет в космосе звезд, и космоса Вашего тоже не существует.

— Есть.

— С чего Вы так решили?

В мальчишке закипал гнев. Он много читал о природе и знал, что всю её создал человек, а до людей ничего не было, просто огромный пустырь. По крайней мере, так было написано в учебниках. Звонки с урока прервал разговор с учителем, но мальчишка не хотел его заканчивать и остался в классе.

— Люди создали всё! Ни на чём не основываясь! Земля была похожа на пустынный район комплекса, она была абсолютно пустой, поэтому учёные всё сделали сами! — продолжал спор ученик, пока одноклассники выходили в коридор перешёптываясь. Учитель, казалось, даже не слушал. Он пытался достать с верхней полки пыльную книгу.

— Смотри, — сказал учитель, раскрывая толстый переплёт. Это была не энциклопедия и не учебник, а альбом с фотографиями, — Этот альбом достался мне от бабушки. Он был биологом.

Страницы альбома были заполнены выцветшими фотографиями природы. Мальчишка смотрел на них удивлённо. Ни на одной из фотографий он не мог узнать комплекс: на них были огромные растения, каких не бывало внутри «Земли-2», деревья, которых он никогда раньше не видел, самые разнообразные цветы, непохожие на те маленькие белые растения из клумб в его дворе.

— А это — Солнце. Издалека оно похоже на местное, но если смотреть из телескопа... — учитель промотал пару страниц. Из книги выпала глянцевая открытка. На ней был изображён жёлтый шар с красными вкраплениями и маленькими язычками пламени по краю. Снизу было написано: «Снимок солнца. NASA 05.07.2024». Мальчишка внимательно рассматривал картонную карточку.

— Зачем Вы мне это показываете? Я не видел подобного раньше... Что это всё такое?

— Природа планеты Земля, на которой мы живём и от которой прячемся, — учитель погрузился. — Я почти никому не показываю эти фотографии, боюсь.

Поражённый откровением учителя, мальчишка внимательно изучал изображения: на некоторых из них были люди, стоящие у деревьев, что были в десятки раз их выше; на других — животные и насекомые, бабочки, перелетающие с одних красочных цветов на другие, белки, собирающие орехи прямо с веток, птицы, такие красивые и живые, высиживающие гнёзда под карнизами крыш. Ученик листал страницу за страницей, цепляясь взглядом за каждую новую фотографию. Та природа, которую знал он, в сравнении с этими изображениями меркла, казалась всё более бездушной и уродливой. Каждая картинка из альбома пестрила красками, была невероятно

красива и абсолютно не похожа на остальные. Мальчик поднял удивлённый взгляд на учителя.

— Но зачем мы сидим здесь, окружённые стенами, если Земля так прекрасна? Почему не покидаем комплекс?

— Люди сами уничтожили эту красоту. Но по расчетам моего дедушки, за прошедшее время природа должна была восстановиться. Я верю, что за пределами комплекса вновь безопасно, просто люди боятся из него выходить. Никто уже не помнит, какой была жизнь до его постройки. Я хотел открыть шлюз, но тоже испугался. А теперь я стар, только и могу, что пересказывать ученикам дедушкины истории.

— А я выйду, — уверенно ответил мальчик. — Я вырасту и выйду, — Коля увидел, как на глаза учителя наворачиваются слёзы.

— Обещаю!

Тот день мальчик запомнил навсегда. Он годами пытался узнать как можно больше о Земле. Не о комплексе, а о планете. Мальчик вырос, закончил университет, стал учёным и получил должность в управлении комплекса, думая лишь об одном: когда-нибудь он откроет шлюз и вдохнёт настоящий воздух, даже если этот вдох окажется смертельным. Работая в руководстве комплекса, он понял, чего боятся люди. Если даже окружающие его учёные, грамотные люди, верят в то, что на Земле ничего нет, как можно хотеть покинуть комплекс? Как можно не бояться смертельного газа, который, по словам журналистов, наполняет Земную атмосферу? Но учёный думал лишь о своём пожилом учителе естествознания. Он не осмелился выйти и умер, так и не узнав, что же там, за стенами комплекса. Тогда, будучи школьником, мужчина обещал ему, что не испугается, что сможет однажды украсть из управления ключ и показать людям, что природа на Земле удивительно красива и вовсе не опасна.

Пластиковая карта дрожала в руках мужчины. Фонарь, который он уже не смел называть солнцем, выключили, а охранники, защищавшие выход из комплекса, как всегда уснули с наступлением темноты. Учёный сделал шаг вперёд. Он знал, что если окажется совсем близко к шлюзу, то сработает система безопасности, и у него будет не больше минуты на открытие дверей. Он ждал этого дня со своего седьмого класса, сидя по ночам с фонариком и листая фотоальбом, подаренный любимым учителем. Мужчина обнял пыльную книгу, крепко сжал ключ-карту в руках и поднёс её к дверям. Сработала сигнализация, а система потребовала ввод кода. Мужчина дрожащими пальцами набрал: «Новый мир», и двери стали открываться. Позади началась суета: охранники резко проснулись, не осознавая, что происходит, всё загудело,

полицейские тут же оказались неподалеку, как и журналисты, раздались щелчки и вспышки камер, вскрики охранников. Мужчина оглянулся: люди в страхе не могли сделать и шага вперед — створки шлюза уже раскрылись, впуская якобы смертельный газ в комплекс. Вновь обернувшись к дверям, учёный уверенно подошёл к выходу. Он вдохнул, шире открыл глаза и напряг слух. Его словно окружили фотографии из альбома учителя. Он забыл о людях, стоящих позади, о комплексе и о смертельной опасности. Он побежал вперед, не оглядываясь. Он вдыхал удивительно часто и не мог сосредоточить взгляда на чём-то одном. Природу, окружающую его, невозможно было описать словами. Нетронутые ярко-зелёные травинки шуршали под его ногами, облака, такие разные и мягкие на вид, медленно двигались по небу, на землю падали тени от огромных деревьев, в кронах которых прятались птицы, испугавшись криков радости, разрывающих многолетнюю тишину.

Стремление к открытиям и свобода от любых предрассудков делает человека свободным.

Сборник легенд детско-юношеской организации
«Остров Сокровищ».

ВИДЕТЬ ХОРОШЕЕ

Москва, 2025 год. – 60 с.

Редакторы: Мария Лаврищева, Мария Лаврухина,
Анастасия Лыкова, Илья Слесарев.

Корректурa: Мария Лаврищева, Мария Лаврухина,
Илья Слесарев, Антон Николаев, Полина Менделеева,
Александра Беляцкая, Майя Кругликова,
Фёдор Лаврищев, Анна Юрлова.

Художники: Елизавета Мушегян, Дарья Кириллюк,
Александра Беляцкая, Майя Кругликова.

Компьютерная вёрстка: Софья Киселева.

ГБОУ Школа №45 им. Л.И. Мильграма,
117036, г. Москва, ул. Гримау, 8
Тел.: +7 (499) 126-33-82
E-mail: 45@edu.mos.ru

Подписано в печать 20.02.2025
Тираж 100 экз.

**МОСКВА
2025**